PG 3310
.A2
1859
Copy 1

ПЕРЕПИСКА

СТАРИКА СЪ СВѢТСКОЮ ДѢВУШКОЮ

и

ЕГО МЕДОВЫЕ ДОСУГИ.

сочиненіе А. К.....го.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

Class

Book

YUDIN COLLECTION

GPO

Сер.

Михаилу Христофоровичу Кетчеру от автора.

ПЕРЕПИСКА

СТАРИКА СЪ СВѢТСКОЮ ДѢВУШКОЮ

и

ЕГО МЕДОВЫЕ ДОСУГИ.

АК—й,

сочиненіе А. К.....го.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1859.

PG 3310
.A2
1859
Copy 1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 12 февраля 1859.

Цензоръ *П. Новосильскій.*

LC Control Number
2003 682011

ПЕРЕПИСКА

СТАРИКА СЪ СВѢТСКОЮ ДѢВУШКОЮ.

(Изъ записокъ А. К.....го.)

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВСѢМЪ ЮНЫМЪ СООТЕЧЕСТВЕННИЦАМЪ МОИМЪ.

23 № 76

Оглавленіе.

		стран.
Вмѣсто предисловія		VII
Письмо I.	Объ условіяхъ переписки	1
— II.	Отвѣтъ	7
— III.	О правдѣ и неправдѣ	9
— IV.	Отвѣтъ	22
— V.	О женскомъ дневникѣ	25
— VI.	Отвѣтъ	32
— VII.	Отъ нея-же	34
— VIII.	О модномъ свѣтѣ	37
— IX.	Отвѣтъ	58
— X.	О женственности (Weiblichkeit)	60
— XI.	Отвѣтъ	76
— XII.	Голосъ дружбы въ утѣшеніе страждущей	80

Вмѣсто предисловія.

Пріятель мой А. К—ій имѣлъ особенную страсть писать! Бывало, когда ни завернешь къ нему, вѣчно онъ за письменнымъ столомъ: вѣчно онъ съ перомъ въ рукѣ! непремѣнно о чемъ нибудь пишетъ! „Да какъ тебѣ, право, не „совѣстно терять время?.. ну, какъ тебѣ не надоѣстъ „писать?“—говаривали мы ему: а онъ твердилъ свое: „пишу не для другихъ,—а вѣдь бумага терпитъ!“

И дѣйствительно должно сознаться: бумага у него много терпѣла! Уѣхавъ отсюда нѣсколько лѣтъ тому, а за чѣмъ? и куда?—нѣтъ надобности вамъ объ этомъ знать, почтенный мой читатель, онъ оставилъ мнѣ такую бездну исписанной бумаги, и какъ видно, очень терпѣливой, что я еще до сихъ поръ и разобраться не могу. Но вотъ недавно попалась мнѣ подъ руку тетрадь съ заглавіемъ, которое подстрекнуло мое любопытство. На оберткѣ тетради крупными буквами написано:

„**Моя переписка съ нею.**“

Съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ читалъ я эту переписку. Мнѣ хотѣлось узнать: кто же это *она*, съ кѣмъ

мой пріятель переписывался? Читалъ, читалъ, перечитывалъ и остался въ томъ же невѣдѣніи, въ какомъ былъ и при заглавіи тетради.

Не поможете ли вы мнѣ открыть это таинственное лице? Признаюсь, мнѣ что-то сдаётся, и я сильно подозрѣваю, что лице это—вымышленное: что „*она*“ это „*онъ*“ т. е. самъ же мой пріятель, который потѣшался страстью писать и писалъ не только къ другимъ, но и къ самому себѣ отъ имени будто знакомой ему дѣвушки. Я, по-крайней-мѣрѣ, въ „*ней*“ никого не узнаю, а кажется я *всѣхъ* его знакомыхъ знаю!

А. К.....й.

С.-Петербургъ, февраль 1859 г.

МОЯ ПЕРЕПИСКА СЪ НЕЮ.

Письмо I.

[ОТЪ МЕНЯ КЪ НЕЙ.]

С.-П.-бургъ, 1-го Ноября 184.. г.

Помните ли вы недавній разговоръ нашъ, въ углу вашей гостиной, подъ великолѣпнымъ портретомъ великой Монархини. — „У подножія Великой Екатерины“ — я могъ бы сказать, если бы Она нарисована была во весь ростъ. Въ этомъ углу мы очутились вмѣстѣ и какъ кажется, совершенно нечаянно! Долго разговаривали мы у столика, на которомъ такъ небрежно разбросаны были и модные журналы и труды дамскаго рукодѣлія. Помните ли вы тамъ нашу бесѣду?

Ежели забыли, то пересказать ее вамъ теперь слово въ слово, — и я не въ состояніи! Мнѣ помнится только, что мы пришли въ эту комнату изъ большой залы, гдѣ пили чай и спорили ... о чемъ? и Боже мой! о многомъ! О чемъ только люди не спорятъ! Рѣдко соглашаются они а спорятъ — почти всегда! .... Но не въ этомъ дѣло. Въ гостиной, карточные столы уже были заняты когда я подошелъ къ портрету, чтобы восхищаться чуднымъ изобра-

женіемъ дивной женщины-Царя — „Catherine le Grand“ — какъ говорятъ Французы. И въ самомъ дѣлѣ, что за геніяльно-доброе выраженіе лица! Какія роскошныя черты державной красавицы! ... Должно сознаться, что и кисть художника была достойна своего великолѣпнаго оригинала! Прелесть улыбки ... но опять скажу, — не въ этомъ теперь дѣло! Вижу самъ что старость болтлива! Простите ради Бога!

Я восхищался ... а вы очутились возлѣ. Какъ и съ чего начался разговоръ нашъ — я ужъ право и не помню! Но вы были — какъ мнѣ показалось по крайней мѣрѣ, — чѣмъ-то встревожены! Внутреннее волненіе обнаруживалось у васъ во всемъ; — даже въ томъ, что вы безъ всякой цѣли и ужъ конечно безъ всякой надобности, рвали на мелкіе куски карточную обертку, взятую вами съ камина! Спрошу васъ снова: помните ли вы все это? ... Отвѣтъ вашъ угадать не трудно: Вы конечно скажете: „нѣтъ, не помню!“ Но внутренно, себѣ, — какой отвѣтъ вы дадите? Разумѣется съ моей стороны это слишкомъ смѣло, даже дерзко, но позвольте допустить, что себѣ вы отвѣтите: „да, я не забыла!“

Правду сказать и я не помню *всѣхъ подробностей* нашей бесѣды! Нечего грѣха таить — видимо старѣю! ... Но памятны мнѣ остались *два* вашихъ вопроса.

„Ахъ! Боже мой! какіе?“ нетерпѣливо воскликнете вы.

Не торопитеся пугаться! я приведу здѣсь ваши собственныя слова.

„Отчего мнѣ кажется“, спросили вы меня, — „отчего „мнѣ кажется, что никто не говоритъ мнѣ *правды?*“

Потомъ, или прежде, опять не помню, — вы мнѣ сдѣлали другаго рода вопросъ:

Вы меня спросили: „отчего мнѣ кажется, что вы (т. е. „я, вашъ покорнѣйшій слуга) самаго невыгоднаго обо мнѣ

„мнѣнія? что вы принимаете меня за самое несносное „существо въ мірѣ — безъ сердца, — безъ характера — „и чуть чуть вы не прибавили тогда — и безъ ума; но „самолюбіе и въ шутку не дозволяетъ вамъ такъ прого- „вориться!“

Вотъ эти-то вопросы остались у меня въ памяти. Тогда я отвѣтилъ вамъ какъ-то несвязно, какъ-то не опредѣлительно. — Мы разговаривали съ вами то на Русскомъ, то на Французскомъ языкѣ, а это не могло не помѣшать ясности моихъ отвѣтовъ. Не знаю: что вы поняли изъ нихъ; не думаю, чтобъ много!

Но возвратясь домой, въ тиши моего кабинета я сталъ раздумывать о смыслѣ вашихъ вопросовъ. Я будто очнулся, я будто опомнился отъ чего-то: такъ нечаянность ихъ была для меня поразительна!

„Она полагаетъ, что ей никто не говоритъ *правды*“ — сказалъ я самъ себѣ съ грустію. Не ужели это серіозно? Не ужели это искреннее сознаніе? Ужели въ этомъ ея убѣжденіе? . . . Признаюсь грустное, тяжкое убѣжденіе! Какъ! въ такіе юные годы не видѣть ни въ чьихъ словахъ *правды!* Въ такую прекрасную пору жизни; въ такую, рѣдко цѣнимую нами пору очарованій, пору свѣтлыхъ мыслей, пылкихъ, но высокихъ чувствъ, въ пору огненныхъ полетовъ воображенія — переходить отъ сомнѣнія къ подозрѣнію, отъ подозрѣнія къ недовѣрчивости, отъ недовѣрчивости итти наконецъ къ совершенной утратѣ всякой вѣры къ людямъ, къ ихъ слову, къ ихъ истинамъ . . . о! да это ужасно! Это невыносимо! . . . Послѣ этого я понимаю ея волненіе, ея внутреннюю тревогу! Конечно только грустію этого сознанія, возбуждены были въ ней и тѣ вопросы, на которые я не могъ, или просто сказать, не умѣлъ тогда отвѣтить, какъ бы

слѣдовало и какъ бы я долженъ былъ и какъ бы мнѣ хотѣлось теперь, взявшись за перо.

Я думалъ долго, очень долго и вдругъ мнѣ приходитъ мысль — не знаю: блистательная ли? — скажу болѣе: приходитъ желаніе — и кажется весьма дозволительное — помочь вашему горю. Выслушайте меня: „не всякую правду — слѣдуетъ говорить“ — твердитъ намъ Французская пословица, которую конечно и вы не разъ слыхали и вѣрно по Французски.

— „Говорить!“ такъ, — противъ этого я не спорю; но писать? — писать — значитъ — можно. Что, если бъ я предложилъ вамъ начать со мною переписку? скажите — согласились ли бы вы?

Вѣдь оскорбительнаго для васъ тутъ ничего и быть не можетъ! Гете, — знаменитый Гете — переписывался же съ дѣвушкою — ребенкомъ! Конечно я — не Гете; вы — уже не ребенокъ, но разница нашихъ лѣтъ, но выборъ предметовъ, — вотъ что можетъ современемъ оправдать нашу переписку въ глазахъ строгаго свѣта, если бы когда нибудь любопытство его заглянуло на страницы нашихъ листковъ! ... Не будетъ разумѣется въ этой перепискѣ ничего моднаго, свѣтскаго, словомъ того, чѣмъ прикрываются, или чѣмъ защищаются въ глазахъ бездушнаго общества самыя иногда безнравственныя цѣли. — Нѣтъ! ... Прочь также отъ насъ и всякій обманчивый и приторный романтизмъ! Да кромѣ того, я намѣренъ излагать вамъ мысли мои — совершенно *по русски* — и словомъ и помышленіемъ!

— „Fi! quelle horreur! — скажутъ ваши подруги, если узнаютъ, что вы получаете письма отъ старика и притомъ еще на языкѣ вашей родины! ... Не вѣрьте имъ, не слушайте ихъ! И переписка именно со старикомъ и пере-

писка именно на русскомъ языкѣ, могутъ быть для васъ особенно полезны. Старикъ вамъ выскажетъ то, что узналъ онъ своимъ опытомъ — порою отраднымъ, а порою горькимъ, но всегда поучительнымъ! Можетъ быть ему и удастся открыть вамъ истину, показать вамъ лучшую, настоящую сторону жизни; познакомить васъ съ отраднымъ взглядомъ на свѣтъ Божій, на людей и на себя, словомъ: познакомить васъ съ тою *правдою*, объ отсутствіи которой вы такъ неопытно горюете!

Вотъ польза отъ переписки съ старикомъ; а необходимость читать и самой писать *по русски*, откроетъ вамъ такія богатства, такія не исчерпаемыя сокровища нашего звучнаго, плавнаго, роскошнаго, и могучаго языка, которыхъ вы и не подозрѣваете въ немъ! Вы увидите, вы убѣдитесь сами, что тотъ нищенскій осколокъ древнихъ языковъ, котораго французы одѣли въ театральный нарядъ изъ мишурнаго золота, сшитый, правда, очень ловко и которымъ, такъ оскорбительно для славянскаго чувства думаютъ щеголять и наши модныя барыни, коверкая съ тщеславіемъ свои родные звуки, — вы убѣдитесь, говорю, что этотъ любимый баловень — языкъ Французскій, — и вялъ и немощенъ и бѣденъ въ сравненіи съ нашимъ красавцемъ — исполиномъ. О! еслибъ только мы владѣли имъ какъ должно!..

Но объ этомъ мы еще поговоримъ съ вами въ другой разъ ежели позволите. А теперь я скажу объ условіяхъ, какія предложилъ бы вамъ для нашей переписки.

во 1) Предметы мы будемъ выбирать изъ нравственной житейской философіи, а вовсе не изъ области наукъ. Богъ съ ними! Пусть объ нихъ пишутъ за насъ другіе!

во 2) Въ письмахъ нашихъ должна быть полная откровенность ума, души и даже сердца! Не пугайтесь, —

почему же нѣтъ? Вѣдь и сердцу можетъ быть нужна помощь философіи!..

въ 3) Въ письмахъ, какъ въ бесѣдѣ устной, можетъ быть допущенъ безпорядокъ въ выборѣ предметовъ. Отсутствіе всякой системы изложенія, какъ въ диссертаціяхъ, сдѣлаетъ ихъ — менѣе скучными; простота въ изложеніи — болѣе легкими и понятными при чтеніи; переходъ же отъ предмета къ предмету — болѣе разнообразными, пріятными и даже болѣе поучительными!..

И наконецъ въ 4) Мы должны заботиться объ языкѣ. Не пренебрегать имъ, а выработывать его! Прислушиваться къ его звукамъ. Любить его, какъ любитъ музыкантъ свой инструментъ, на которомъ выражаетъ онъ гармонію своихъ мыслей! Мы должны отыскивать и изучать всѣ его богатства и чѐрпать изъ всѣхъ его обильныхъ родниковъ, чтобъ онъ являлся подъ перомъ у насъ и звучнымъ и сильнымъ и мягкимъ и плавнымъ и въ пластической простотѣ! Да, — мы должны обходиться съ нимъ съ любовію, съ уваженіемъ и съ вѣрою въ его несмѣтныя сокровища!

Согласны ли вы принять мои условія? Этимъ я и заключу мое первое письмо. Вашъ отвѣтъ можетъ быть въ одномъ, или въ двухъ словахъ; а именно:

„согласна“ или „не согласна.“

До тѣхъ поръ я молчу и

„Вѣрьте, что перо бумаги не коснется!“

Прощайте до отвѣта.

PS. Надѣюсь покрайней мѣрѣ, что мое первое письмо нисколько васъ не удивило, а еще менѣе перепугало.

А. К.

Письмо II.

[ОТЪ НЕЯ КО МНѢ.]

С.-П.-бургъ, 8 Ноября 184.. г.

Напрасно, право напрасно вы думаете, что ваше письмо могло перепугать меня! О! нисколько! Удивить — еще могло немножко! Но я благодарю васъ очень и очень за ваше доброе намѣреніе, а еще болѣе за ваше прекрасное предложеніе! Не однимъ словомъ, а тысячу разъ готова сказать вамъ: согласна, согласна и очень согласна! Но страшны мнѣ показались нѣкоторыя ваши условія! Принять ихъ готова, — а какъ исполню! Богъ знаетъ что̀ и какъ буду отвѣчать! Однако посмотримъ! Я несносная — не правда ли?

Какъ русская въ душѣ и въ сердцѣ, — хотѣла было сказать и по воспитанію, да подумала: скажу *неправду;* къ несчастію насъ не такъ воспитываютъ, чтобы мы могли и знаніемъ языка, являться истинными Россіянками.... но я — какъ русская по имяни, по крови, и увѣряю васъ, въ умѣ, въ душѣ — и совершенно въ сердцѣ, прошу и умоляю васъ — пишите мнѣ всегда по русски!...

Мнѣ самой досадно, зачѣмъ насъ съ дѣтства не учатъ говорить и писать по русски такъ, какъ учатъ насъ болтать и щеголять письмомъ на томъ языкѣ, къ которому вы — (простите меня и

не сердитесь) — ужъ слишкомъ жестоки! Бѣдненькій! а мы его такъ любимъ!

Бросаю перо, чтобъ не было ошибокъ!

„Bon jour“ — виновата, — прощайте!

Скорѣе же, скорѣе слѣдующее письмо! Вы знаете, что женщины нетерпѣливы! А если ужъ вы такъ добры, такъ не испытывайте меня.

До свиданья же т. е. до письменной бесѣды!

NN.

Письмо III.

[ОТЪ МЕНЯ КЪ НЕЙ.]

С.-П.-бургъ, 10 Ноября 184.. г.

И такъ на переписку со мною — вы согласились, — я очень радъ! Но васъ пугаютъ мои условія — это напрасно! Весьма благодаренъ вамъ за первое; а на послѣднее — могу только сказать: нѐчего бояться! Каждый изъ насъ исполнитъ ихъ по свòему и по мѣрѣ своихъ силъ. Не забывайте только, что мы пишемъ не курсъ философіи, что насъ не вызовутъ на экзаменъ, который нѣкогда пугалъ меня въ дѣтствѣ. — а можетъ быть и васъ также. Мы просто мѣняемся мыслями и вмѣсто устной бесѣды, повѣряемъ ихъ бумагѣ. Я увѣренъ, что ваши строки, какъ бы коротки онѣ ни были, доставятъ мнѣ истинное наслажденіе. Отъ своихъ — желаю для васъ пользы — и если нужно — утѣшенія! Пусть на вашихъ письмахъ отдохнетъ моя душа, успокоится мой умъ и — я вѣрю — согрѣется мое сердце, которое — увы! — съ каждымъ днемъ всѣ болѣе и болѣе хладѣетъ!

Я приступаю..... но вотъ и затрудненіе: съ чего начать? Разумѣется съ разрѣшенія перваго вашего вопроса о *правдѣ* и *неправдѣ!*..

Предметъ этотъ такъ обширенъ, такъ не исчерпаемъ,

какъ сама природа, созданная Богомъ и представляющая собою символъ непоколебимой *правды!*

Если бы я дѣйствительно не смотрѣлъ на нашу переписку, какъ на замѣну устной бесѣды, то конечно, приступая къ разсужденію о такомъ высокомъ и многосложномъ предметѣ, какъ *правда*, я долженъ былъ бы — или надѣть профессорскія очки, — или стать на кафедру проповѣдника. Но ни того, ни другаго — мнѣ не нужно. Предположимъ лучше, что мы сидимъ въ уголку, пожалуй хоть той же самой гостиной, гдѣ вы мнѣ сдѣлали вопросъ; что насъ окружаютъ собесѣдники на „зеленомъ полѣ"; что въ безпорядкѣ гостиннаго разговора, мы переходили отъ предмета къ предмету, отъ серіознаго къ смѣшному, отъ свѣтскаго къ философскому и наконецъ совсѣмъ неожиданно, попали на вопросъ о *правдѣ*, которая и дала мнѣ поводъ разговориться съ вами подолѣе!

„Разговориться!" — Это было бы дѣйствительно такъ, если бы въ самомъ дѣлѣ мы, въ настоящую минуту, видѣли другъ друга, или сидѣли другъ возлѣ-друга. Но передо мною пока — только бумага! Со мною, — одно перо и развѣ въ воображеніи я могу представить васъ еще передо мною! Слѣдовательно вся тягость разговора, — на моихъ плечахъ! Надо сдѣлать его и понятнымъ и нескучнымъ и особенно — не длиннымъ.

Постараюсь!

Какъ нѣмцы, устроивъ у себя недавно ораторскія кафедры, постановили, чтобы никто долѣе десяти минутъ не мучилъ слушателей своею рѣчью, такъ и я желалъ-бы въ моихъ письмахъ, не выходить изъ предѣловъ одного листка почтовой бумаги. Это и меня удержало бы отъ лишней болтовни, столь свойственный старикамъ, и для васъ бы не было утомительно! Неправда ли?

Но поскорѣе къ дѣлу!..

Вы помните, что вы меня спросили „отчего вамъ кажется, будто никто не говоритъ вамъ *правды?*“

Если бы вопросъ вашъ былъ болѣе утвердительный, если бы не было у васъ слова „кажется“ то я дѣйствительно могъ бы принять его за положительное убѣжденіе, грустное, тяжкое и можетъ быть уже неисправимое; потому что съ убѣжденіями своими — люди не легко и рѣдко разстаются! Но вы сказали: „кажется“ и я уже не теряю надежды вывести васъ изъ этого заблужденія. Въ самомъ дѣлѣ — это ваше заблужденіе!..

Не вдаваясь въ слишкомъ ученое и для васъ разумѣется слишкомъ скучное изслѣдованіе о „*правдѣ*“ — я все-таки долженъ въ главныхъ очеркахъ познакомить васъ съ *моимъ* взглядомъ на *правду* и *неправду* въ высшемъ, естественномъ, міровомъ смыслѣ и на *правду* и *неправду* житейскую въ смыслѣ болѣе тѣсномъ, ограниченномъ нашимъ бытомъ на землѣ, нашею общественною жизнію, нашими отношеніями въ обществѣ!.. Безъ сомнѣнія вы горюете о послѣдней!..

Послушайте-же:

Въ строгомъ и въ обширномъ смыслѣ, дѣйствительной, естестественной *неправды* нѣтъ въ мірѣ и быть не можетъ! Существуетъ въ мірѣ одна только *правда*, потому что все существующее — есть само уже по себѣ *правда*. *Неправда* же, какъ невещественность, какъ недѣйствительность, есть только понятіе, которое: или отрицаетъ то, что есть, или утверждаетъ существованіе того, чего нѣтъ! Сама же она вещественнаго, матеріальнаго существованія — имѣть не можетъ. Слѣдовательно, ежели вы это поняли, вы поймете и то, что въ мірѣ, созданномъ Богомъ, — *неправды* нѣтъ и быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните

только на окружающую васъ природу, на это величественное произведеніе Премудраго художника! Развѣ всё это мірозданіе, въ малѣйшихъ подробностяхъ своихъ — отъ неба съ его міріядами свѣтилъ, — отъ человѣка съ его духовными силами, до послѣдняго червячка, до тончайшей былинки, — развѣ все это не являетъ собою символа неопровержимой, высокой, божественной *правды?* Конечно непостижима для ума человѣческаго эта *правда*, исшедшая такъ стройно изъ рукъ Творца, — но она одна поразительна, она одна недопускаетъ сомнѣнія!..

„Ежели весь міръ созданъ, въ самомъ дѣлѣ, въ такой „стройности; ежели весь міръ являетъ собою *правду*, то „откуда же взялась *неправда?* Откуда же она взялась?“ — спрóсите вы меня.

Надобно пройти памятью не исторію вселенной, не исторію природы, созданной Богомъ, а исторію только человѣка, чтобы доискаться источника *неправды*.

Человѣкъ создалъ *неправду!*... Онъ извлёкъ её изъ себя: онъ привилъ её къ своимъ понятіямъ, къ своему уму, послѣ грѣховнаго паденія своего!... Въ остальномъ созданіи Божескомъ, — въ природѣ, отъ самаго сотворенія ея до нашихъ дней *неправды* не было, нѣтъ и матеріально быть не можетъ!

До паденія своего, человѣкъ былъ въ прямой и непосредственной гармоніи съ природою, какъ звено общей, неразрывной цѣпи! Онъ смотрѣлъ на всё, созданное съ нимъ и для него, — глазами Божественнаго своего происхожденія. Но преступивъ законъ, онъ впалъ въ *сомнѣніе* — и вотъ гдѣ первый источникъ человѣческой *неправды!* Сначала, человѣкъ сталъ доискиваться причины существованія окружающаго его міра, а потомъ и причины своего собственнаго бытія! Свою дерзость простеръ онъ и

далѣе! Затмѣніе ума, было однимъ изъ наказаній, посланныхъ на человѣка за паденіе его! Это затмѣніе поколебало его понятія; онъ сталъ болѣе и болѣе уклоняться отъ истины, пока наконецъ сама̀ Истина, въ образѣ Бого-человѣка *), не явилась на зѐмлю, чтобы просвѣтить міръ и удержать его отъ нравственнаго разрушенія!...

Человѣчество было спасено; истина просіяла въ мірѣ своимъ Божественнымъ свѣтомъ; но *неправда* не искоренилась между людьми! Человѣкъ понёсъ её съ собою, какъ бремя въ жизни; она сочеталась съ природою нашего ума и эта, сначала только умственная, такъ сказать духовная *неправда*, перешла потомъ во всѣ проявленія природы человѣческой и приняла формы всѣхъ ея страстей, являясь въ дѣлахъ человѣка — то неумышленнымъ *заблужденіемъ*, —то намѣренною *ложью*, —то обдуманною *несправедливостью*, —то коварнымъ *обманомъ!* Это-то и заставило одного изъ проповѣдниковъ Слова Божія, или *правды*, сказать: „что всякій человѣкъ есть ложь!"

Но довольно объ этомъ! Боюсь утомить ваше вниманіе. Я уже чувствую, что вамъ хочется поскорѣе притти къ разрѣшенію *вашего* вопроса. Извольте, извольте!...

Васъ конечно воспитывали въ духѣ Христіанскихъ понятій. Слѣдовательно вамъ внушали и ту *правду*, для водворенія которой на землѣ, являлся Спаситель міра. Я вполнѣ увѣренъ, что глазами вѣры въ Премудрость Божію, вы смо̀трите на все исшедшее изъ рукъ Творца.

Какая же *неправда* васъ тревожитъ? Какую *правду*, полагаете вы, отъ васъ скрываютъ? Конечно *житейскую*,

---

*) „Онъ т. е. Спаситель, который есть сама *Истина*" (Іоаннъ 14. 6) См. соч. Еписк. Макарія стр. 301, изд. 1852.

„Ибо Духъ Божій есть *Истина*" (Jn Math. comment) см. тамъ же стр. 302

(Примѣчаніе 1856 года.)

т. е. ту, въ которой обнаруживаются страстишки испорченной природы нашей.

Но подумайте и разсудите сами: справедливъ ли и въ этомъ вашъ упрекъ? Я не полагаю, чтобъ подъ *неправдою*, вы разумѣли несправедливость къ вамъ людей вообще. Вы такъ еще молоды, и такъ въ свѣтѣ обстановлены, что не было и не можетъ быть ни повода, ни надобности, ни выгоды людямъ быть несправедливыми къ вамъ!

Я понимаю, что жалоба ваша скорѣе относится къ житейской дурной привычкѣ, или слабости людей: обманывать другъ друга — такъ, безъ всякой цѣли — ради болтовни! А вамъ ужъ кажется, что кто ни говоритъ вамъ, всё съ обманомъ; что будто ужъ никто вамъ истины не скажетъ; никто не выяснитъ вамъ заблужденій вашихъ! Послѣднее можетъ быть — и справедливо; а первое — повѣрьте мнѣ, только такъ вамъ кажется!...

Хотите доказательства, — послушайте меня!

Вотъ видите ли, я раздѣляю *жизнь* не на возрасты и не по расчету лѣтъ, а по *характеру умственной работы* каждаго человѣка, т. е. я раздѣляю ее на эпохи нашихъ различныхъ взглядовъ на жизнь и нашихъ различныхъ требованій отъ нея; *чего* и *когда* мы отъ жизни ждемъ, надѣемся и *что* получаемъ!

Не говорю о дѣтствѣ; тутъ умъ нашъ не работаетъ еще; а ежели и есть у него трудъ, то трудъ не самостоятельный! Другіе управляютъ нами; а потому я дѣтство пропускаю, и перехожу прямо къ эпохамъ самомышленія, т. е. къ началу настоящей жизни для каждаго изъ насъ, когда, оперясь собственными крыльями, мы начинаемъ и можемъ жить собственными силами, развивая и укрѣпляя ихъ собственными упражненіями собственнымъ взглядомъ и собственнымъ опытомъ.

Въ *первую* эпоху такой самостоятельной жизни, въ насъ преобладаетъ сила воображенія, поджигаемая чувствами. Рѣдкій изъ насъ не платилъ ей дани! Въ самомъ дѣлѣ, кто въ свою очередь, не любилъ во всемъ, дѣйствительно насъ окружающемъ, искать какіе-то узоры мечтательной фантазіи? Въ эту эпоху жизни — воображеніемъ и чувствомъ — всё для насъ обманчиво, потому что мы сами любимъ обрѣтаться скорѣе въ сферѣ обманчивыхъ фантазій, нежели въ мірѣ простой вседневной дѣйствительности. Отъ людей, отъ жизни, отъ всего окружающаго насъ мы прихотливо ждемъ и требуемъ чего-то несбыточнаго и удивляемся, даже ропщемъ — ежели не многіе понимаютъ насъ, никто не отвѣчаетъ намъ и мало что согласуется съ нашимъ мечтательнымъ міромъ!. Можно сказать, что эта эпоха — есть періодъ сердечныхъ нашихъ заблужденій и умственныхъ колебаній. Въ это время человѣкъ страдаетъ и умомъ и сердцемъ, — я не скажу — страдаетъ душою, потому что это было бы уже истинное страданіе, истинное наказаніе. А страданія первыхъ двухъ излечимы и чаще не оставляютъ ни какихъ слѣдовъ!

Вторая эпоха жизни начинается — нельзя даже опредѣлить въ какіе именно годы, потому что не у всѣхъ у насъ одинаково продолжается первая; но начало *второй*, можно полагать съ того времени, когда воображеніе, уступая силѣ разума, — замѣняется *созерцательностію*! Это эпоха пріобрѣтенія опытности. Тутъ уже преобладаетъ въ насъ разсудокъ, только согрѣваемый, только ублажаемый чувствами. Съ работою созерцанія мы вступаемъ въ возрастъ мужества души, ума и сердца! Гармоническое ихъ развитіе, согласный ихъ ходъ въ теченіи этой эпохи нашего созрѣванія въ жизни, — составляетъ рѣдкое явленіе здравомыслящаго, благородно и сильно чувствующаго человѣка

которымъ неодолѣваетъ преимущественно ни одна изъ духовныхъ его силъ!

Работа этой эпохи состоитъ въ томъ, что мы всё извѣдываемъ разсудкомъ, все присовокупляемъ къ своей опытности и каждому обстоятельству въ жизни находимъ въ самихъ себѣ: подпору или отпоръ. Счастливыя обстоятельства, человѣкъ этой эпохи принимаетъ съ благодарностію къ Святому Промыслу, — а горестныя, тяжкія, — онъ встрѣчаетъ грудью твердою и съ покорностью, вѣруя въ неисповѣдимосмь Судебъ Божіихъ!..

Нѣтъ сомнѣнія, что это лучшая эпоха жизни! Въ ней совершается полное, гармоническое развитіе всего человѣка. Еще воображеніе не поблёкло; еще чувства кипятъ, но ужъ разсудокъ господствуетъ! Давая каждой силѣ свой ходъ и свое значеніе, онъ стройно ведетъ всё цѣлое къ полному проявленію жизни!

Наконецъ приходитъ и *третья* эпоха — эпоха труда болѣе страдательнаго, и потому она въ продолжительности своей переходитъ иногда въ состояніе дѣтства, лишеннаго всякой самостоятельности.

Третья эпоха начинается работою собиранія посѣянныхъ и уже созрѣвшихъ плодовъ житейской опытности. — Человѣкъ прекращаетъ свое развитіе; онъ неидетъ далѣе; въ немъ видѣнъ только *результатъ*: или собственнаго труда, или труда обстоятельствъ, которыхъ онъ былъ рабъ, либо слабый противоборецъ!..

Какъ въ *первую* эпоху человѣкъ живетъ только во времени мечтательномъ: нельзя даже сказать: временемъ настоящимъ, потому что въ области фантазій нашихъ нѣтъ опредѣленнаго ни прошедшаго ни настоящаго ни будущаго, — а все перемѣшано, — такъ во *вторую* эпоху, человѣкъ, чувствуя свое созрѣваніе въ жизни,

сознаетъ и свое настоящее; онъ пользуется имъ, живетъ, и только съ улыбкою оглядывается назадъ, чтобы взглянуть на прахъ разрушенныхъ мечтаній, на развалины фантастическихъ сооруженій неопытнаго когда-то, но тѣмъ болѣе пламеннаго сердца. Въ *третью* же эпоху, собирая плоды и вкушая ихъ, онъ уже рѣже смотритъ на прошедшее, менѣе живетъ настоящимъ: онъ чаще склоняетъ мысль и упованіе свое на жизнь, которая ждетъ насъ всѣхъ за предѣлами міра сего!...

Не знаю: понятно ли вамъ мое раздѣленіе жизни? Довольно ли ясно я вамъ выразилъ мою мысль? Но въ подрòбнѣйшія изслѣдованія каждой изъ этихъ эпохъ, — я вдаваться не намѣренъ. На это понадобились бы цѣлые томы, а я и безъ того ужъ вышелъ изъ границъ обыкновеннаго письма въ листъ бумаги.

Чтобы сократить какъ только можно мои размышленія, я скажу вамъ прямо, что вы, въ настоящіе ваши гòды, находитесь именно въ *первой* эпохѣ жизни, т. е. живете еще воображеніемъ и сердцемъ! Чудная, отрадная эпоха, но и опасная! Если при этомъ разсудокъ хоть изрѣдка не вступаетъ въ свои правà, а воображенію будетъ дана полная воля, а сердце будетъ ублажаться, убаюкиваться своими страданіями, то эта эпоха можетъ состоять вся только изъ ряда заблужденій, промаховъ и даже паденій, увы! и грустныхъ и гибельныхъ по послѣдствіямъ! Нужно быть крайне осторожну въ эту эпоху! Самъ за собою человѣкъ наблюдать не можетъ; пускай въ такомъ случаѣ прибѣгаетъ онъ къ помощи другихъ, созрѣвшихъ жизнію.

Я вамъ сказалъ выше, что въ *первую* эпоху жизни, человѣкъ страдаетъ умомъ и сердцемъ! Но эти страданія — повѣрьте мнѣ, — на каждомъ шагу могутъ найти и вра-

чеваніе. а именно: или въ совѣтѣ другихъ, или, что еще вѣрнѣе — въ голосѣ собственной совѣсти. Не нужно только добровольно поддаваться этимъ страданіямъ! Иначе они обратятся въ неизцѣлимую слабость, въ привычку, какъ выражается наша модная молодежь, „*интересничать*“ страданіями, что чаще бываетъ смѣшно, нежели трогательно!..

О страданіяхъ сердца въ эту эпоху, я пока говорить вамъ не стану. Вы мнѣ вашихъ не открывали и я не имѣю права сказать, что они у васъ существуютъ и что я ихъ знаю.

Положимъ, что ихъ нѣтъ, или что я ихъ не знаю!..

Страданія же ума въ эту *первую* эпоху — страданія до извѣстной степени не опасныя, — проявляются обыкновенно какимъ-то колебаніемъ, какою-то недовѣрчивостью: мало этого, — убѣжденіемъ, что всѣ его обманываютъ, что всѣ его нарочно держатъ въ заблужденіи. Отъ этого умъ волнуется, тревожится, не понимаетъ!

Точно въ такомъ состояніи находитесь теперь и вы, совершая *первую* эпоху вашей жизни. Тягость такого состоянія несноснѣе для тѣхъ, у кого воображеніе особенно развито, у кого сердце слишкомъ пылко! у тѣхъ — умъ способенъ болѣе къ рабству, чѣмъ къ господству! У тѣхъ продолжительнѣе бываетъ *первая* эпоха, нежели *вторая*. Они нуждаются въ совѣтѣ; имъ нужно руководство!..

Примѣрьте же все это къ себѣ и пошепчитесь съ вашею совѣстью. Она вамъ безпристрастно скажетъ: кто̀ и что̀ вы?..

А мнѣ старику, пока повѣрьте, что не другіе обманываютъ васъ; не другіе окружаютъ васъ *неправдою*, а ваше собственное воображеніе, пылкое и вами неукрощаемое, — вотъ оно-то заставляетъ васъ не принимать *житейской*

правды за *настоящую правду!* И знаете ли почему? Потому что эта *житейская правда* не согласуется съ тою, которую вы создали себѣ въ фантазіи, которую вы взяли изъ области мечтательнаго міра, и которой вамъ странно, грустно даже — не встрѣчать между людьми, въ дѣйствительномъ, подлунномъ мірѣ! Ежели не довѣряете вы людямъ, попробуйте провѣрить ихъ и себя голосомъ собственной вашей совѣсти! Обратитесь къ ней. Совѣсть — лучшій нашъ другъ и наставникъ во всѣхъ эпохахъ жизни! Нѣтъ минуты, когда бы она не была готова итти къ намъ на помощь! Постучитесь только въ ея двери и онѣ распахнутся непремѣнно. Повѣрьте мнѣ — нѣтъ человѣка въ мірѣ, у котораго бы совѣсть была нѣма. Ежели она молчитъ — это еще не значитъ, что она онѣмѣла! Пробудите только её и ужъ конечно лучшаго, болѣе цѣлебнаго голоса — вы ни отъ кого и никогда не услышите! Бесѣда съ собственною совѣстью — есть лучшее упражненіе и вѣрнѣйшее средство познавать самого себя и оцѣнять свои поступки.

Въ вашей жизни теперь можетъ быть вотъ какой случай: воображеніе пылкое, неугомонное, увлекаетъ васъ куда-то; умъ, еще не господствующій въ васъ, не въ силахъ удержать его; — а сердце, давно дружное съ воображеніемъ и все покорное ему, — еще болѣе подстрекаетъ его летѣть все далѣе и далѣе! Мечтательность вами овладѣла! Фантазіямъ нѣтъ конца!! Взоръ вашъ, устремленный въ міръ воображаемый, томится и болитъ отъ картины, которую представляетъ ему дѣйствительность! Умъ вашъ колеблется, подозрѣваетъ; онъ не можетъ согласить того, что̀ представляется ему въ мечтаніяхъ, съ тѣмъ, что̀ видитъ у людей, о чемъ твердятъ ему другіе. Вотъ вы въ волненіи; вы сердитесь; вамъ кажется, что все обманъ; что

всѣ вамъ говорятъ *неправду*. Вы спòрите, вы мучитесь, и вопреку всему, — рѣшàетесь итти по свòему, хотите выполнить — мечту!...

Опомнитесь! остановитесь! Время не ушло! Поговорите съ вашей совѣстью. Спросите у нея: кто прàвы: вы или другіе, которые противурѣчатъ вамъ?

Конечно неумолимо строгъ, но всегда безпристрастенъ приговоръ нашей совѣсти! За то уже ничьё слòво, ни чьё наставленіе, ни чей судъ — такъ ни дѣйствительны, такъ ни полезны, — какъ судъ, слово и наставленіе собственной совѣсти! Вѣрнѣе посторонней власти, вѣрнѣе даже самой дружбы, совѣсть можетъ повести насъ къ исправленію! Какъ бы крòтко выраженъ ни былъ приговоръ посторонняго человѣка, даже дружескій совѣтъ его, — мы всё съ какимъ-то сомнѣніемъ принимаемъ ихъ. Хотя и это сомнѣніе бываетъ часто ни на чемъ не основано, потому что таже совѣсть, если посовѣтуемся съ нею, — намъ скажетъ: нѣтъ повода, нѣтъ причины, нѣтъ выгоды другимъ обманывать насъ. Въ самомъ дѣлѣ, — взгляните на себя: ну кто изъ близкихъ вамъ, умышленно вамъ скажетъ нравственную ложь?... И справедливъ ли вашъ упрекъ? и не напрасно ли ваше волненіе?...

Конечно, вамъ случается иногда слышать *неправду;* но какую и отъ кого? Вамъ скажетъ *неправду* — какой нибудь модный герой мазурки; вамъ скажетъ *неправду* кто нибудь изъ вѣтреныхъ подругъ свѣтскихъ вашихъ веселій. Но вѣдь эта *неправда* такъ ничтожна, такъ безвредна, и я столько уважаю вашъ умъ, что совершенно увѣренъ: подобною неправдою вы не сокрушаетесь нисколько! что этотъ повседневный обманъ въ житейской болтовнѣ, поколебать вашъ умъ никакъ не можетъ! Неправда ли?

Однако я уже боюсь этимъ письмомъ поколебать все

ваше терпѣніе! Письмо мое длинно, слишкомъ длинно, хотя я далеко не изчѐрпалъ всѣхъ размышленій, которыя могли бы представиться по поводу вашего перваго вопроса. Чувствую самъ, что предметъ, которымъ я вознамѣрился отвѣтить вамъ, требуетъ гораздо болѣе обдуманности, нежели сколько я употребилъ, такъ-сказать скользя перомъ по бумагѣ.

Раздумайте же сами обо всемъ, что я вамъ изложилъ и спросите у самой себя: какъ долженъ разрѣшиться *первый* вашъ вопросъ? А я старикъ, довольствуюсь покà тѣмъ, чтò удалось мнѣ высказать вамъ, и въ чемъ желаю быть для васъ понятнымъ и полезнымъ и если нужно, — утѣшительнымъ!

Теперь бы слѣдовало мнѣ приступить къ разрѣшенію *втораго* вашего вопроса, т. е. какъ *я* о васъ лично думаю? Вопросъ щекотливый! — Позвольте оставить его безъ отвѣта. Впрочемъ, сказавъ вамъ въ этомъ письмѣ, въ какой именно эпохѣ жизни *вы* теперь находитесь, я этимъ кажется произнесъ и мнѣніе мое объ васъ.

Пока довольно! можетъ быть современемъ представится удобный случай поговорить о васъ подòлѣе; тогда возьму я кисть художника и постараюсь васъ изобразить со всею вѣрностью, со всею точностью, близкими къ оригиналу. А теперь — прощайте!

А. К.

Письмо IV.

[ОТЪ НЕЯ КО МНѢ.]

С.-П.-бургъ, 13 Ноября 184.. г.

Знаете ли, что послѣднее ваше письмо заставило меня очень и очень призадуматься! Я его прочитала разъ, прочитала два, десять разъ и мнѣ кажется, что я все поняла! Вы видите, что и тутъ у меня сомнѣніе. Я даже и тутъ боюсь обойтись безъ слова: кажется. Какая несносная! неправда ли? Нѣтъ состоянія болѣе непріятнаго, какъ быть недовольной собою! Конечно гораздо чаще мы недовольны другими! У насъ все другіе виноваты! Все на нихъ слагаемъ; а больше-то всѣхъ виновата у насъ — бѣдняжка судьба!...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мало, какъ рѣдко мы ищемъ въ самихъ себѣ причины того, что съ нами случается въ жизни! Не оттого ли это, что человѣкъ ужъ является въ міръ съ готовностью на все жаловаться, на все роптать и всѣмъ быть недовольнымъ? Право, я такъ думаю! Вспомните только, чѣмъ младенецъ проявляетъ въ себѣ жизнь? Крикомъ! А этотъ крикъ — не есть ли ужъ онъ *первая* нота, *первый* звукъ всѣхъ нашихъ потомъ жалобныхъ звуковъ на землѣ? ... Я постараюсь это доказать. Послушайте меня. Мы знаемъ, что младенецъ, только что появится на свѣтъ — уже кричитъ! — Потомъ, когда онъ можетъ назваться дитею, — онъ плачетъ! но плачетъ еще неразумно: это еще невинныя слезы! Подойдетъ возрастъ ребячій — ребенкомъ онъ уже капризничаетъ и плачетъ и кричитъ изъ своеволія! Юношею, онъ начинаетъ стонать, вздыхать, тосковать. Бѣдненькій, онъ жалуется, онъ ропщетъ, онъ груститъ! Вотъ онъ ужъ зрѣлый

мужъ. — тутъ начнутся у него сѣтованія на участь, на судьбу, на обстоятельства и на людей! Наконецъ пришла старость, несносная, противная старость, и вздохи о быломъ, и сожалѣніе о прошломъ и ропоты на хилость... словомъ, нечего кажется болѣе доказывать, — все, все, рѣшительно все, звучитъ какою-то грустію и жалобою въ человѣкѣ! Ну, правду ли я говорю?

А помните ли, что въ первомъ вашемъ письмѣ, вы сравнили языкъ каждаго народа съ инструментомъ, на которомъ предоставлено ему выражать гармонію своихъ мыслей.

Мнѣ хочется сдѣлать сравненіе еще обширнѣе, только не смѣйтесь, je vous prie! Мнѣ кажется (вы видите, опять кажется) — мнѣ кажется, что все мірозданіе представляетъ собою одинъ стройный великолѣпный инструментъ, который самъ, невидимою силою, гремитъ хвалу Творцу своему! Но какъ для полной гармоніи необходимы всѣ возможные звуки, — то самую грустную, то самую жалобную ноту, производитъ только человѣчество, только человѣкъ! Онъ одинъ въ этомъ общемъ хорѣ стонетъ и кричитъ! Что, если бы можно было обнять слухомъ это торжественное восхваленіе Бога, — воображаю — какая дивная гармонія въ этомъ гимнѣ! Неправда ли чудо!

Скажите мнѣ, — строго ли я сужу о человѣкѣ, или справедливо? Воображеніе ли это мое, или дѣйствительность, съ которою вы такъ усердно стараетесь познакомить меня?

A propos de воображеніе. Ахъ Боже мой, опять по французски! что значитъ — дурная привычка! Ну какъ же сказать по русски? Знаю, знаю! кстати о воображеніи. Вы такъ меня напугали проказами воображенія, что я боюсь ужъ теперь продолжать мой журналъ. Правду вамъ сказать, мнѣ иногда самой бываетъ страшно заглянуть въ него! Тамъ такія мысли, такія мысли... которыми, конечно, убаюкивалось когда-то мое воображеніе; но умъ, — право иногда содрагался! Я давно уже оставила писать. А теперь, пожалуй, и разорву! Какъ вы думаете? какъ вы посовѣтуете? Разорвать, или нѣтъ? Вѣдь жаль разстаться съ прошедшимъ. Неужели должно? Да почему? я хочу именно знать почему? Мнѣ-такъ кажется, что бросить, уничтожить прошедшее, какъ бы грустно, какъ бы тяжко оно для насъ ни было, это все равно, что бросить, покинуть больнаго друга, съ кото-

рымъ мы страдали, о которомъ мы заботились и который все-таки остался неизлѣчимымъ! Какъ бросить его? Развѣ не жалко? Развѣ можно равнодушно? И какъ рѣшиться на это? А вѣдь мой журналъ ... ну да Богъ съ нимъ! ...

Скажите мнѣ откровенно; не очень ужъ дурно я пишу по русски?... Теперь мнѣ и самой какъ будто легче; вы видите, что я и разболталась! ... Какъ это весело! Ахъ! еслибъ только я могла дойти до бо̀льшаго порядка въ мысляхъ. А то чувствую сама, что онѣ такъ и бѣгаютъ у меня въ головѣ. Поймать ихъ не могу. А ужъ размѣстить какъ должно — по порядку, чинно, стройно и рядкомъ, — ни силъ, ни терпѣнія, да и умѣнья, недостанетъ. — Для этого нужна работа! И до этого люди доходятъ только трудомъ! Какая скука! Все трудиться! Когда же наслаждаться жизнію? Подъ старость! ... вотъ весело! Нѣтъ, merci, — прощайте.

NN.

Письмо V.

[ОТЪ МЕНЯ КЪ НЕЙ.]

С.-П.-бургъ, 17 Ноября 184.. г.

Послѣднее мое письмо къ вамъ отъ 10 ноября было и длинно и можетъ быть слишкомъ серіозно. Сегодня постараюсь быть короче и не буду „вамъ докучать моралью строгой" чтобы не измучилось ваше терпѣнье. Меня утѣшили ваши строки. Вниманіе, съ которымъ вы читаете мои письма, ваши скорые отвѣты, вполнѣ вознаграждаютъ меня за мысль и желаніе быть вамъ полезнымъ!

Въ вашихъ строкахъ много предметовъ, о которыхъ мы могли бы разговориться; но обо всѣхъ вдругъ и въ одномъ письмѣ нельзя, — а потому я ограничусь тѣми, которые ближе къ нашей вседневной жизни, и о которыхъ я могу побесѣдовать съ вами не ученою, а простою, житейскою философіею.

Поговоримте напримѣръ о вашемъ „*журналѣ.*"

Вы пишите, что послѣ того какъ я напугалъ васъ проказами, какія производитъ пылкое воображеніе, вы готовы бросить привычку вести записки и прежнія ваши уничтожить.

Я хотѣлъ бы очень знать: какого рода „*журналъ*" вашъ? Но вы сами страшитесь заглядывать въ него — и этого признанія мнѣ уже довольно, чтобы я не искалъ удовле-

творить мое любопытство. Не стараясь проникнуть въ завѣтныя странички вашего „*дневника*“ — я могу, кажется, смѣло и рѣшительно посовѣтывать вамъ: бросить его! Не думайте, что вы этимъ покидаете друга, — друга, о которомъ вы заботились, съ которымъ вы страдали, съ которымъ вы раздѣляли радость и горе, и который, по вашему мнѣнію, еще болѣе заслуживаетъ привязанность вашу, потому что всѣ недуги его остались не изцѣлимы!.. Вы ошибаетесь! „*Журналъ*“, котораго вы сами страшитесь, не можетъ быть вашимъ другомъ. Нѣтъ! Изъ вашего признанія я вижу, что въ вашемъ „*дневникѣ*“ заключено не то прошедшее, съ воспоминаніемъ о которомъ намъ всегда такъ грустно разставаться!! Конечно въ жизни каждаго человѣка бываютъ минуты, навсегда незабвенныя для него!.. Тяжки ли онѣ, или радостны были, онъ памятью не разстается съ ними и при всѣхъ обстоятельствахъ долгаго странствованія своего на землѣ, съ благодарностью смотритъ на свое прошлое, какъ на картину, въ которой такъ много отраднаго для него!! Онъ — или радостно улыбается минувшему счастію, — или тихо груститъ, вспоминая бывалое горе!.. И то и другое — увы! быстро миновало, а между тѣмъ опытъ въ жизни пріобрѣтенъ! съ этимъ опытомъ, человѣкъ тверже и смѣлѣе идетъ по предлежащей дорогѣ, приближаясь неустрашимо къ одной и для всѣхъ насъ неизбѣжной цѣли!

Но ваши записки пугаютъ васъ! Что же такое въ нихъ страшнаго? Нетрудно отгадать. Я сейчасъ вамъ поясню это!

Вести записки свои, такъ называемые „*мемуары*“ или по русски „*дневникъ*“ вообще весьма похвально! Я самъ нѣкогда занимался прилежно этою работою. И признаюсь вамъ, она доставляла мнѣ величайшее наслажденіе. Мнѣ было пріятно писать, а еще пріятнѣе потомъ перечиты-

вать. Я будто снова жилъ въ своемъ прошедшемъ: передо мною какъ въ одной картинѣ собраны были и годà юности и годà моей молодости. Я могъ видѣть постепенное развитіе моей жизни во всѣхъ ея разнообразныхъ примѣненіяхъ. Ставъ на точку настоящаго своего воззрѣнія, я могу уже теперь дѣлаться судьею и цѣнителемъ своихъ прошедшихъ дѣлъ, поступковъ и размышленій?.. Но для этого нужно, чтобы „*дневникъ*“ не страшилъ насъ: чтобы мы смѣло могли перелистывать его: чтобы въ свое время онъ писался не для той только минуты, въ которую мы повѣряемъ ему свои мысли, свои чувства и размышленія. Напротивъ того, надобно стараться вести его такъ, чтобы онъ былъ намъ полезенъ и впослѣдствіи; чтобы онъ служилъ намъ какъ бы повѣркою самихъ себя; чтобъ прибѣгали мы къ нему всегда, какъ къ искреннему другу — или за утѣшеніемъ, или за совѣтомъ; а главное, чтобъ въ немъ былъ и полный и откровенный отчетъ нашей „дѣйствительной“ жизни!

Такого рода „*записки*“ лучше многихъ наставленій могутъ помочь намъ переработывать самихъ себя и исправлять наши недостатки! Подобный „*дневникъ*“ будетъ продолженіемъ нашего воспитанія. Но это воспитаніе, предпринятое самимъ собою и притомъ въ житейской, общей школѣ, при столкновеніяхъ съ людьми, при столкновеніяхъ съ обстоятельствами, дастъ конечно вѣрнѣйшіе и прочнѣйшіе плоды!

О *журналахъ*, *дневникахъ*, *запискахъ* и *мемуарахъ*, которые пишутся для другихъ, и особливо для потомства, я не говорю Въ нихъ цѣль другая, — слѣдовательно и пути другіе! Этого рода „*записки*“, рѣдко составляются дáмами, а дѣвицами еще рѣже!

О! какъ бы я желалъ, чтобы вы и всѣ ваши подруги вели „*записки*“ перваго рода. Я знаю, что многія изъ васъ

этимъ и занимаются, но вотъ опасная крайность, въ которую нѣкоторыя впадаютъ и особенно тѣ, у кого въ *первую* эпоху жизни, воображеніе, управляя чувствами, преслѣдуетъ и гонитъ разсудокъ, не давая ему ни на минуту власти! Эти жительницы мечтательнаго міра, по бо̀льшей части любятъ, очень любятъ повѣрять бумагѣ свои мысли, свои чувства и свои дѣла̀. Но къ несчастію, думая вести „*журналъ*“ о себѣ и для себя, разоблачая передъ собою свои дѣйствія, свои помышленія, обсуживая въ немъ хладнокровно всё, что было сдѣлано ими по минутному впечатлѣнію, — онѣ, напротивъ того, обрекаютъ только бумагу на грустную долю принимать семена ихъ фантазій, чтобы потомъ, пересматривая, по временамъ, эти завѣтные листки, воображеніе ихъ еще болѣе могло убаюкиваться небывалыми страданіями, или ублажаться, утопая въ мечтательномъ наслажденіи!..

Такія „*записки*“ вредны, — и замѣтьте, онѣ ведутся всегда въ тиши. — Показать ихъ другимъ — стыдно! заглядывать самимъ — опасно, или какъ вы выразились — страшно! Въ этихъ „*запискахъ*“ хотя и заключено прошедшее, но какое? не дѣйствительно бывшее, а бо̀льшею частію вымышленное, одному только воображенію извѣстное! Ихъ пишутъ обыкновенно сентиментальныя героини, которыя, увлекаясь полётами своего воображенія, повѣряютъ — какъ я вамъ уже сказалъ — бумагѣ только то, что распаляетъ ихъ чувства, что можетъ усилить ихъ мечтательность!

А потому, повторяю вамъ, — подобный „*журналъ*“ не можетъ быть нашимъ другомъ: нѣтъ! онъ скорѣе врагъ нашъ, потому что похитилъ у насъ то драгоцѣнное время, которое мы могли бы употребить на гораздо полезнѣйшее занятіе.

Мнѣ неизвѣстно: въ какомъ именно смыслѣ *вы* вели ваши *записки;* но какъ я уже сказалъ вамъ въ началѣ этого письма, ежели вы сами приходите отъ нихъ въ смущеніе, то лучше бросьте ихъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ полезнѣе для васъ самихъ! Покидая ваше прошедшее такъ чтобы даже и памятью не возвращаться къ нему, вы разстаетесь не съ другомъ, оставить котораго, я никогда не посовѣтывалъ бы вамъ; нѣтъ; — повѣрьте мнѣ — вы разстаетесь съ болѣзнію вашего воображенія, уничтожая и самые признаки ея, собранные въ вашемъ дневникѣ! Пускай же не будетъ и напоминовенія о вашихъ недугахъ!

Я вамъ писалъ уже, что вы находитесь въ *первой* эпохѣ жизни, т. е. въ той, когда повинуются болѣе воображенію и чувству, нежели разсудку. Можетъ быть. переиспытавъ всѣ тревоги этого напряженнаго состоянія, вы переступаете теперь во *вторую*! Умъ вашъ начинаетъ требовать своихъ правъ. Его дѣятельность пробудилась!.. Оковы ему нестерпимы! бездѣйствіе ему надоѣло! Воображеніе утомилось; чувства ищутъ болѣе естественнаго исхода, потому что мечтательный огонь не можетъ грѣть сердце; въ васъ совершается переходъ отъ жизни въ мірѣ фантазіи — къ жизни въ мірѣ дѣйствительномъ, въ которомъ истинное счастіе выражается не иначе, какъ *гармоніею ума, души* и *сердца!*

Страшась этого перехода, какъ будто бы потери годовъ очарованія, вы можетъ быть скажете мнѣ. что онъ еще не наступилъ для васъ, что вы еще слишкомъ молоды. чтобы прійти уже къ *созерцательности* въ жизни!

Да, конечно вы еще въ лучшей порѣ жизни! Но вѣдь *эпохи*, на которыя я раздѣляю ее, основаны у меня не на расчетѣ годовъ. Есть люди, у которыхъ время *первой* эпохи бываетъ необыкновенно кратко; у которыхъ во-

ображеніе властвовало не долго, и которымъ посчастливилось, послѣ первой, не гибельной дани фантазіямъ, мечтамъ, отдать себя тотчасъ на попеченіе разсудка, согрѣваемаго и смягчаемаго сердцемъ. Слѣдовательно не пугайтесь этого переходнаго состоянія. Будетъ ли оно краткое, или продолжительное, я не знаю — послѣдствія покажутъ; но что оно совершается въ васъ, это неоспоримо! И страхъ заглядывать въ прежнія „*записки*" свои, и содраганія вашего ума при видѣ признаковъ воспаленнаго а слѣдовательно и больнаго воображенія, и желаніе уничтожить свой „*журналъ*", — все это мнѣ говоритъ ясно, что хотя разсудокъ вашъ не вполнѣ еще властелинъ; но онъ уже не рабъ!.. Онъ сбрасываетъ иго; быть можетъ скоро сброситъ, и такимъ образомъ начнетъ свое господство. Умѣйте только согласить съ нимъ ваше сердце. Пусть *оно* будетъ ему помощникомъ и другомъ!..

Я совѣтую вамъ бросить *прежнія* ваши „*записки*"; но я не посовѣтую вамъ никогда бросить привычку вести свой „*журналъ*". Нѣтъ, именно теперь, когда вы чувствуете себя не столько воображеніемъ, сколько разумомъ, „*записки*" вамъ необходимы. Возьмитесь же снова за перо и пишите; но пишите по внушенію вашего разсудка; провѣряйте размышленіемъ ваше сердце, вашу душу; разбирайте ихъ порывы хладнокровно; не потворствуйте имъ, а главное: не ищите въ этомъ занятіи только убѣжища для воспаленныхъ чувствъ, только отрады для восторженной мечты! Въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть въ немъ для васъ, современемъ, утѣшеніе?..

Вы знаете сами, что и романъ, основанный весь на фантазіяхъ, на узорахъ воображенія, нестерпимо несносенъ, потому что не естествененъ!.. Каковы же должны быть, не говорю уже для другихъ, но и для васъ самихъ,

впослѣдствіи. тѣ „*записки*“, въ которыхъ вы ничего болѣе не найдете, какъ описанія вымышленныхъ какихъ-то страданій, несбыточныхъ надеждъ и фантастическихъ требованій отъ жизни, на которую, по несчастію, вы смотрѣли тогда не такъ, какъ должно, а сквозь призму сентиментальной мечтательности!

Нѣтъ! Нѣтъ! Повторяю вамъ: начните теперь вашъ „*журналъ*“ какъ отчетъ „дѣйствительной“ вашей жизни! Повѣряйте въ немъ себя. Обсуживайте въ немъ каждый поступокъ свой хладнокровною бесѣдою съ вашею совѣстью. Вы увидите тотчасъ и пользу этого занятія. Менѣе всего мы замѣчаемъ собственные недостатки — почему? потому что не даемъ себѣ труда слѣдить за собою, разсматривать себя, провѣрять каждый свой шагъ. Мы ищемъ быть съ другими, и потому чаще судимъ о другихъ. „*Журналъ*“ же можетъ доставить намъ именно ту бесѣду съ совѣстью, о пользѣ которой я вамъ уже говорилъ, когда писалъ о *правдѣ* и указывалъ: гдѣ скорѣе всего вы услышите ее! Скажу и теперь: ищите ее прежде всего въ самой себѣ. А въ этомъ вамъ „*журналъ*“ поможетъ!....

Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами подолѣе о томъ: какъ вообще должно вести свои „*записки*“, но я обѣщалъ вамъ быть короче въ своихъ размышленіяхъ, и притомъ уже бьетъ полночь, а потому нехотя бросаю перо и жду отъ васъ отраднаго утѣшенія.

А. К.

Письмо VI.

[ОТЪ НЕЯ КО МНѢ.]

С.-П.-бургъ, 20 Ноября 184.. г.

Да вы просто ужасный человѣкъ! Я думала, что я одна такая несносная, но вы право, — не сердитесь пожалуйста, — еще несноснѣе меня! Гораздо несноснѣе! Я начинаю уже бояться нашей переписки. Не ужели вы во всемъ будете разочаровывать меня? Впрочемъ нѣтъ! Я несправедливо жалуюсь. Виновата. Ваше письмо мнѣ отдано теперь, когда я только что возвратилась домой послѣ „*раута*“ у ** Вотъ вы восхищаетесь богатствомъ нашего языка — ну, а какъ сказать по русски: „*раутъ?*“

Я пріѣхала домой съ такою пестротою впечатлѣній; съ такою усталостью въ умѣ и чувствахъ, что не мудрено, ежели и ваше письмо представляется мнѣ въ грустномъ видѣ — какъ разочарованіе! . . . Ахъ да! Кажется, чѣмъ больше въ свѣтѣ живешь, тѣмъ печальнѣе смотришь на картину жизни; особливо жизни *свѣтской,* — въ этомъ чаду, гдѣ всѣ вертятся, кружатся, какъ будто ищутъ своей цѣли, не замѣчая, что сами бѣгутъ все далѣе и далѣе отъ настоящей цѣли! Право — это грустно! По неволѣ разочаровываешься! Не думайте ради Бога, чтобы я интересничала передъ вами! Съ какой стати! Намъ нечего надѣвать маску другъ передъ другомъ. Я помню условія нашей переписки, и потому говорю вамъ откровенно. Общество, свѣтъ, „le grand monde“ мнѣ скученъ. Не потому онъ мнѣ скученъ, чтобы тамъ въ самомъ дѣлѣ было скучно. О! напротивъ — посмотрѣть на всѣхъ насъ, такъ никто такъ не веселится, какъ мы! И пышность и роскошь и вкусъ и разнообразіе — все есть около насъ; все плѣняетъ глазъ

и воображеніе даже! Но во всемъ этомъ такъ мало для мысли, такъ мало для чувства, для души! И веселіе-то наше такое не искреннее! Я право начинаю думать, что дѣлаюсь старушкой. А все вы виноваты! Вы накликали на меня преждевременную старость и скучную философію!

А какъ не ѣздить въ общество? Какъ устоять противъ его приманокъ? Какъ не раздѣлять съ другими его веселія, его приличій, его законовъ, его погрѣшностей даже? — Итти на перекоръ? — Вступить въ борьбу? Какъ можно? И притомъ къ-чему? Съ побѣдою не выйдешь; исправить — не исправишь; а только разсмѣшишь другихъ и сдѣлаешься сказкою въ городѣ! Очень весело, чтобъ о васъ говорили вездѣ съ улыбкою и злобно!

Я хотѣла бы знать ваше мнѣніе о нашемъ обществѣ. Напишите мнѣ, да только откровенно!... Да не забывайте, что вы у меня еще въ долгу. Вы мнѣ еще не сказали: какъ вы обо мнѣ думаете? ...

Смотрите-жъ, — я все жду.

NN.

Письмо VII.

[ОТЪ НЕЯ КО МНѢ.]

С.-П.-бургъ, 5 Декабря 184.. г.

Скажите: что̀ съ вами сдѣлалось? Отчего вы вдругъ перестали писать? Какъ должна я объяснить себѣ это несносное молчаніе? Неужели вамъ уже надоѣло вести переписку со мною? ... Правду сказать: что̀ и занимательнаго для васъ можетъ быть въ моихъ письмахъ? Но ваши письма, ... но ваша цѣль ... благая, утѣшительная цѣль, ... развѣ она уже достигнута? ... А если нѣтъ, такъ зачѣмъ же оставлять ее, не исполнивъ добровольно принятого долга! ... Да ... да ... теперь это ужъ вашъ долгъ, ваша обязанность: руководить меня и говорить мнѣ правду! ...

Вѣрно я васъ огорчила чѣмъ нибудь въ моемъ послѣднемъ письмѣ! А вы и разсердились! Ахъ, Боже мой! Не я ли первая созналась вамъ, что я такая несносная! Минутныя впечатлѣнія всегда у меня сильнѣе разудка! Что же мнѣ дѣлать! Какъ исправиться? ... Вы скáжете: „наблюдать за собою, удерживать себя!“ Да, хорошо говорить! ... можетъ быть я и стараюсь ... да силы нѣтъ; да воли мало! ... Сто голосовъ я слышу ... во мнѣ все говоритъ ... рада бы кажется всѣхъ слушаться ... слушаюсь и всегда помимо голоса разсудка ... Его-то именно и не узнаю; онъ-то и заглушается другими! Я прихожу въ недоумѣніе! ... желаю, силюсь, хочу попасть на истинный путь ... и вѣчно теряюсь мыслями ... и вѣчно надѣлаю вздоръ! Сожалѣніе, раскаяніе приходятъ конечно ... да ужъ когда поздно; когда ужъ все сдѣлано ... и исправить нельзя! ...

Скажите — я вѣрно написала вамъ какой нибудь вздоръ въ прошедшемъ письмѣ! Право не помню, чтобъ это такое могло быть? Ни за что, кажется, не отгадаю! о чемъ же я вамъ писала? Знаю, что это было послѣ раута у Гр...**, откуда я привезла домой скуку, головную боль и множество пустыхъ и глупыхъ фразъ, которыя мнѣ удалось выслушать отъ героевъ и героинь нашихъ блестящихъ, модныхъ залъ! ... Да, я помню, что возвратилась домой съ непритворною грустію въ душѣ, съ расположеніемъ на все и на всѣхъ сердиться. Знаю, что это не хорошо; что ужъ вы конечно этого не похвалите!! А тутъ-то мнѣ и отдали ваше письмо; я его прочитала и мнѣ стало еще грустнѣе! Тутъ нужно было бы остановиться,... дать впечатлѣніямъ время простыть,... отдохнуть душою — не-правда-ли?... Успокоиться умомъ;... а я,... вотъ теперь припоминаю... я тотчасъ взяла перо, и это было первое движеніе сердца, которое у меня вѣчно прежде всѣхъ прыгаетъ, — я тотчасъ взяла перо и набросала къ вамъ нѣсколько строчекъ. И ужъ конечно вздоръ написала!

А вы и разсердились?... Ну можно ли?... Такъ позвольте же теперь и мнѣ — дать вамъ нѣсколько наставленій. Я буду философствовать... въ подражаніе вамъ. Какъ! не стыдно ли сердиться на пустяки, вырвавшіеся изъ подъ пера въ минуту грустныхъ впечатлѣній, въ минуту душевной усталости, когда умъ молчалъ, когда мыслямъ не было въ головѣ простора ... ну подумайте: достойно ли это вашего серіознаго взгляда на вещи?.. А снисходительность къ другимъ, а снисходительность къ слабостямъ ближняго... развѣ у васъ нѣтъ ея? ... Неужели, если я постучусь въ ея двери, онѣ не отворятся мнѣ? Не можетъ быть... не вѣрю, нѣтъ, и вѣрить не хочу! Не могу также представить себѣ, чтобы вы рѣшились прекратить переписку со мною именно тогда, когда она мнѣ болѣе всего необходима; когда такъ много вопросовъ осталось еще не разрѣшонныхъ!

Подумайте, вѣдь ужъ болѣе недѣли прошло, — какъ вы молчите! Да это просто нестерпимо! Я разсержусь на васъ! да, я, я, я, — слышите ли? и буду имѣть полное право; зачѣмъ же вы подстрекнули во мнѣ любопытство! Зачѣмъ же вы вызвали меня на откровенность съ вами? Думаете ли вы, что намъ такъ легко

повѣрять другимъ свои мысли, свои чувства, — свои фантазіи даже? Мнѣ кажется, что мы, женщины, въ этомъ отношеніи чрезвычайно слабы. Нѣтъ ничего легче какъ вызвать нашу откровенность. Покажите только намъ участіе ваше и мы не имѣемъ ужъ тайны отъ васъ. Я право не знаю: болтливость ли это, или благодарность нашей природы? ... А кстати — вотъ и еще вамъ вопросъ: *о свойствахъ женской природы, о характерѣ женщины вообще.*

Да будьте же любезнѣе! ... Не получу отвѣта, — я ужъ болѣе писать не стану. Есть чувство гордости — не забывайте!...

NN.

Письмо VIII *).

[ОТЪ МЕНЯ КЪ НЕЙ.]

С.-П.-бургъ, 8 Декабря 184.. г.

Не вините себя, не торопитесь обвинять и меня за мое двухъ-недѣльное молчаніе. Оно показалось вамъ долгимъ и это ужъ меня радуетъ. Но повѣрьте, оно было вынужденное: ни вы, ни я не виноваты! А потому безъ дальнихъ объясненій, я снова и съ удовольствіемъ берусь за перо и спѣшу отвѣчать вамъ на вопросъ предпослѣдняго вашего письма.

А!.. Вы хотите знать *мое* мнѣніе объ обществѣ. Вы спрашиваете: какъ и что *я* о немъ думаю?.. Не легко мнѣ будетъ отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ, особливо ежели я захочу со всею откровенностью развернуть передъ вами картину современнаго намъ общества, которое, разумѣется, имѣетъ свое значеніе, играетъ свою нравственную и гражданскую роль. Я особенно боюсь, чтобы это письмо, обрисовывая даже только въ краткихъ очеркахъ, только рѣзкими чертами характеристику нашего общества — такъ какъ *я* его понимаю, — какъ оно *мнѣ* представляется, — я боюсь,

*) Издатель проситъ не забыть, что болѣе десяти лѣтъ тому, какъ велась эта переписка; слѣдовательно и обрисованное въ этомъ письмѣ общество,— быть можетъ вовсе не похоже на настоящее — 1859 года.

говорю, чтобы это письмо не показалось вамъ, еще болѣе прежняго, умышленнымъ желаніемъ разочаровывать васъ. Боже меня сохрани отъ этого! Зачѣмъ? Напротивъ, я хотѣлъ бы и можетъ быть мнѣ и удастся познакомить васъ въ лучшею, съ отраднѣйшею стороною всего, что вамъ еще встрѣтится въ жизни. Я скорѣе желалъ бы возбуждать въ васъ очарованіе ко всему, и проясняя ваши мысли, очищая вашъ взглядъ, наполнять вашу душу юнымъ, искреннимъ восторгомъ, въ которомъ бы все утѣшало васъ, въ которомъ бы все настроивало васъ любить жизнь, цѣнить её какъ даръ священный, а не какъ даръ случайный — какимъ она казалась въ минуту грусти нашему разочарованному поэту, который спрашиваетъ ее:

Даръ напрасный, даръ случайный
Жизнь, — зачѣмъ ты мнѣ дана?

Нѣтъ! Боже избави меня привести васъ къ такому тяжкому вопросу!.. Но однако, прежде всего я ищу *истины;* я иду къ ней на встрѣчу и ежели въ намѣреніи сказать вамъ *правду*, прихожу теперь къ необходимости развернуть предъ вами туманную картину нашего быта въ обществѣ, — то, повѣрьте мнѣ, ни сколько не колеблясь, я разверну ее предъ вами. Я дѣлаю это для вашей же пользы. Много есть увлекательнаго, много есть заманчиваго въ этомъ блистательномъ обществѣ, которому почти всѣ вы отдаете лучшую пору вашего существованія, лучшіе годы вашей жизни. По неопытности и пылкой молодости, вы можете легко увлечься блескомъ общественнаго вихря и то, что служитъ потомъ основою нашему горькому знанію людей и свѣта, ускользнетъ отъ вашей наблюдательности, и вы заплатите ту же грустную дань, какую платятъ и другіе, которые безъ оглядки, безъ осторожности, бросаются на всѣ приманки общества! А приготовленныя моимъ разсказомъ,

вы въ этой школѣ найдете ужъ знакомыя вамъ лица; вы встрѣтите знакомыя черты. Не всякій блескъ васъ поразитъ; вы мишуры не примете за золото! Пусть же опытность старика облегчитъ вамъ грузъ той опытности, которую вамъ еще предстоитъ наживать самой!

Вооружитесь же хладнокровіемъ, вооружитесь терпѣніемъ и выслушайте меня. Можетъ быть безсвязно, можетъ быть безпорядочно будетъ мое изложеніе — нужды нѣтъ!... Вѣдь не исторію гражданскихъ обществъ я намѣренъ изложить вамъ въ моемъ письмѣ. Мы побесѣдуемъ съ вами о томъ: каково наше высшее *свѣтское* общество — такъ называемый „le grand monde“ въ нравственномъ отношеніи? Какія его отличительныя черты? Каковъ его главный характеръ? Въ чемъ состоятъ его законы, условія? И наконецъ, какой нравственный результатъ представляетъ это общество, этотъ „большой свѣтъ“ для выводовъ житейской философіи скромнаго наблюдателя?..

Вотъ задача, которую я постараюсь развить и разрѣшить въ моемъ письмѣ; что прибавлю въ моихъ размышленіяхъ, или о чемъ умолчу, простите ради Бога; отнесите это: или къ излишней болтливости старика, либо къ дурной его памяти! Я начинаю:

Вы знаете, конечно, что не только у насъ, но и во всѣхъ столицахъ міра *свѣтское* общество раздѣляется на различные слои, или круги. Есть *высшій*, есть *средній*, есть и *нисшій* кругъ общества, гдѣ та же суетная жизнь, тѣ же почти условія, тѣ же, въ подражаніе высшему, нравы и обычаи, только разумѣется, въ рамкахъ болѣе тѣсныхъ, съ требованіями менѣе изысканными! Я не буду вамъ говорить о *послѣднихъ двухъ*, въ которыхъ до сего времени вамъ не было суждено находиться, потому что и обстоятельствами и поло-

женіемъ вашимъ, вы брошены въ *первый* кругъ общества, въ *высшій*; вотъ имъ-то я и займу ваше вниманіе.

Говоря о подраздѣленіяхъ нашего общества на разные слои, я не разумѣю конечно о подраздѣленіяхъ *фамильныхъ связей*, которыя составляютъ также высшій кругъ связей, средній и низшій. Въ этихъ подраздѣленіяхъ есть также свои оттѣнки, но я ихъ не касаюсь; нѣтъ, я буду вамъ говорить только о томъ высшемъ *кругѣ свѣтскаго сближенія людей*, который, какъ представитель и знатности, и богатства, и образованности, и достоинствъ, и талантовъ, соединяетъ въ себѣ, или по-крайней-мѣрѣ долженъ бы соединять въ себѣ образчики всѣхъ слоевъ гражданскаго общества. Основанный знатными и богатыми людьми въ столицѣ, онъ долженъ бы разумѣется и расширяться по мѣрѣ того, какъ развивается образованность и какъ размножаются таланты и достоинства и въ другихъ слояхъ общества, давая каждому отличію право поступить въ члены *высшаго, отборнаго круга сближенія людей!*

Ежели въ самомъ дѣлѣ таковъ долженъ быть законъ составленія *отборнаго общества*, то не-правда-ли, что только въ немъ и слѣдуетъ искать примѣровъ и образцовъ всего прекраснаго, возвышеннаго, благороднаго, словомъ всего, что достойно уваженія и чему должно подражать? Мы знаемъ дѣйствительно, что по внутреннему и наружному значенію и достоинствамъ высшаго въ столицѣ круга, судятъ и о степени умственнаго и нравственнаго развитія всей страны! Положимъ, что такое сужденіе и не совсѣмъ, въ строгомъ смыслѣ, основательно: однако иностранцу напримѣръ, гдѣ же искать крайней, высшей точки нашего просвѣщенія, ежели не въ этомъ соединеніи нашихъ представителей, съ которыми сообразуются и другіе слои об-

щества и которыхъ законы, нравы, обычаи, добродѣтели и пороки служатъ предметомъ подражанія въ остальныхъ, находящихся, безошибочно можно сказать, подъ непосредственнымъ, магнитическимъ какимъ-то вліяніемъ этого высшаго круга. Направленіе понятій, вкусовъ, идей, направленіе даже самаго воспитанія, — все это болѣе, или менѣе въ рукахъ его!

И повѣрьте мнѣ, что я говорю не преувеличенно! Потрудитесь только разобрать сами и вы убѣдитесь, что не разрывною лѣстницею всѣ слои общества соединены. Что дѣлается въ высшемъ, перенимается въ среднемъ и повторяется съ низшемъ — конечно вездѣ въ размѣрахъ ихъ способовъ и средствъ. Слѣдовательно несомнѣнно, что и нравственное состояніе послѣднихъ двухъ, всегда въ нѣкоторой зависимости отъ перваго.

Теперь посмотримъ же: каково нравственное состояніе самого учителя, т. е. нашего высшаго *свѣтскаго* круга такъ называемаго „большаго свѣта“ „la société“ или „le grand monde.“

Вѣдь чтобы справедливо судить о степени порядка и благоустройства какого бы то ни было общества, нужно заглянуть въ его законы; познакомиться съ уставами, которые имъ управляютъ. Тогда вы получите вѣрное понятіе и объ его образованности и о точкѣ, на которой находится его умственное и нравственное развитіе; увидите успѣхи его усовершенствованія и опредѣлите легко сами: какую степень уваженія къ себѣ можетъ внушить такимъ образомъ выяснившееся вамъ общество.

Познакомить васъ со всѣми подробностями условій, или законовъ нашего высшаго *свѣтскаго* круга, — я не берусь. Ихъ такъ много, и они такъ перепутаны, что я право ужъ и не знаю: въ чемъ ихъ основаніе?..

Нынче, повѣрьте мнѣ, не отгадаешь: что̀ даетъ право на входъ въ гостиныя и залы большаго свѣта? Кого только тамъ ни встрѣчаютъ? И разумѣется это происходитъ отъ того, что нѣтъ точныхъ, нѣтъ положительныхъ законовъ для составленія въ настоящемъ, въ строгомъ смыслѣ, *отборнаго высшаго свѣтскаго круга*. Извѣстно, что во всякую эпоху развитія общественныхъ понятій, и самыя требованія вкуса, требованія приличій — измѣняются; такъ что напримѣръ то, что было по вкусу дѣдовъ, можетъ ужъ быть негоднымъ по понятіямъ внуковъ! Но все-таки эти измѣненія могли бы кажется быть замѣтны только при сравненіи двухъ, довольно отдаленныхъ одна отъ другой, эпохъ. А между тѣмъ меня поражаетъ переворотъ, который я вижу совершился въ нравственомъ отношеніи и на моемъ вѣку. Какъ посмотрю на то, что теперь дѣлается, такъ надивиться не могу! То, что въ наше молодое время почиталось постыднымъ и неумѣстнымъ, нынче перешло уже въ обыкновеніе; мало этого, сдѣлалось условіемъ порядочности и отличія человѣка высшаго полета!

Не думайте право, не думайте ради Бога, чтобы по свойственной старикамъ привычкѣ, или слабости: хвалить только прошлое, свое, — я стану нарочно порицать ваше настоящее въ угоду моему былому. Нѣтъ! Былое, конечно въ отношеніи меня лично, не можетъ не быть мнѣ дороже и отраднѣе настоящаго!... Съ былымъ связаны лучшіе годы моей жизни! Въ былòмъ — всѣ воспоминанія о моей молодости: а вы можетъ быть испытали уже и сами что память, возвращая насъ къ минувшему, всегда очищаетъ картину: и мрачная сторона ея кажется свѣтлѣе! Въ этомъ случаѣ нельзя не быть благодарну памяти, которая свято и нерушимо сохраняетъ только минуты утѣшительныя для насъ! Вотъ почему я думаю, что глазамъ

мыслителя, современнаго моей молодости, то общество, которое бы я захотѣлъ теперь вамъ хвалить, какъ мое былое, представляло тѣ же недостатки, тѣ же грустные факты, какіе представляются мнѣ — въ вашемъ!...

Но оставимъ эту философію о быломъ; обратимся къ разрѣшенію вопроса: какіе, ежели не основные законы, то по-крайней-мѣрѣ — какія отличительныя черты теперешняго нашего *моднаго* общества?...

Что бы не поименовывать вамъ многихъ: скажу о главнѣйшихъ. Слушайте:

Живя всегда наблюдательно, — я старался подмѣтить: что̀ именно составляетъ въ теперешнихъ понятіяхъ *моднаго* свѣта, признакъ человѣка, который имѣетъ право принадлежать и принадлежитъ къ высшему кругу нашего столичнаго общества? я желалъ уловить черту, которая отдѣляетъ его отъ толпы; — я старался узнать: чѣмъ же особеннымъ отличается онъ отъ другихъ? И вотъ къ какому грустному заключенію привели меня всѣ эти старанія мои: нынѣшній человѣкъ высшаго *моднаго* полета главнѣйше отличается: во 1-хъ, слѣпою и рабскою подражательностію всему иностранному; во 2-хъ, непростительнымъ равнодушіемъ ко всему своему и особливо къ родному языку, — небреженіе къ которому для меня просто не постижимо; и въ 3-хъ, неумѣстною и рѣдко не глупою гордостью!...

Эти *три* признака — главнѣйшіе только, — имѣютъ основаніе — какъ вы думаете въ чемъ? Въ *тщеславіи;* изъ *тщеславія* хотятъ скорѣе походить на Француза, или Англичанина, нежели на Русскаго; изъ *тщеславія* не говорятъ по русски, какъ бы слѣдовало, вездѣ и преимущественно и изъ *тщеславія* же стараются попасть и играть какую нибудь роль въ томъ высшемъ кругѣ свѣтскаго общества,

которому только одно *тщеславіе* и можетъ внушить пустую и глупую гордость!

Изъ какого же источника это тщеславіе истекаетъ? спросите вы. На это кажется безошибочно могу вамъ отвѣтить: — Изъ *суетности*. Да, — вотъ гдѣ истинный корень зла!... *Суетность* во всѣхъ ея видахъ, примѣненіяхъ, степеняхъ, — *суетность* испортила современное наше общество: она овладѣла нами совершенно: она овладѣла даже и воспитаніемъ нашихъ дѣтей! Мы и ихъ ведемъ по этому же жалкому направленію къ развитію въ нихъ *суетности!* А чего только дурного не выходитъ изъ этого развитія?!.. Откуда напримѣръ взялась теперь во всѣхъ слояхъ общества роскошь! Изъ суетнаго подражанія высшимъ, которые этою роскошью тщеславятся. Роскошь разумѣется вызвала мотовство, а ужъ какіе отъ мотовства происходятъ пороки, я вамъ и исчислять не стану!... Это такая сѣть, которая только все болѣе и болѣе заплетается.... А кто и когда ее распутаетъ — Богъ знаетъ!

Я сейчасъ вамъ сказалъ, что *суетность* овладѣла и воспитаніемъ нашихъ дѣтей! Въ самомъ дѣлѣ, — ну кто изъ васъ — изъ васъ, — цвѣтковъ новаго посѣва — воспитывался, или воспитывается собственно для жизни въ ея высокомъ, строгомъ значеніи? Не всѣ ли вы съ дѣтства, съ самаго ранняго дѣтства, приготавливаетесь только къ тому, чтобы, окончивъ кое-какъ извѣстную и всѣми принятую форму прохожденія наукъ, изученія языковъ и особливо французскаго, поступить потомъ на нравственное и уже окончательное воспитаніе въ эту общую житейскую школу большаго свѣта?

Спрашиваю — многихъ ли у насъ, особливо дѣвушекъ богатыхъ и знатныхъ фамилій, да даже и не знатныхъ и не богатыхъ, а только обстоятельствами въ среду ихъ бро-

шенныхъ, — многихъ ли, говорю, воспитываютъ не для единственной, жалкой цѣли: — блестѣть современемъ въ высшемъ кругу *свѣтскаго* общества — какъ обыкновенно говорятъ: „pour paraître et briller dans le grand monde.“ — Укажите мнѣ на тѣ достойныя семейства, гдѣ бы воспитаніе дѣтей стремилось исключительно къ развитію въ нихъ — съ одной стороны — отвращенія къ *суетности* большаго свѣта, а съ другой — привязанности къ семейной, тихой жизни? — Укажите! Я первый преклонюсь предъ ними!

Такихъ семействъ въ средѣ нашего *моднаго* свѣта — очень, очень не много, что бы не промолвиться и не сказать, что ихъ и совсѣмъ тамъ нѣтъ!

У насъ молодежъ учатъ теперь всему, кромѣ главнаго — а именно: умѣнью быть на своемъ мѣстѣ и какъ должно въ семейномъ, хозяйственномъ быту. А свѣтскаго, а блестящаго, бросающагося въ глаза, въ нынѣшнихъ герояхъ и героиняхъ модныхъ залъ — очень много! Про нихъ нельзя уже сказать словами въ Евгеніѣ Онегинѣ:

Теперь ихъ учатъ по немногу
Чему нибудь и какъ нибудь!
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
Ужъ имъ не мудрено блеснуть!

Нѣтъ, напротивъ, ихъ съ дѣтства, съ самаго ранняго дѣтства наполняютъ, — какъ я уже вамъ сказалъ, — всѣмъ, что только можетъ составить прочное основаніе для полнаго и *блистательнаго* современемъ развитія человѣка: но къ несчастью, съ раннихъ же поръ, направляя это основаніе къ поприщу на *свѣтской* общественной сценѣ, рѣдкихъ изъ нихъ приготавливаютъ быть вполнѣ *Христіаниномъ*, *семьяниномъ* и *гражданиномъ*.

Всѣ, — оглядитесь только, — рѣшительно почти всѣ, которыхъ мы оба: вы и я — знаемъ, только и стремятся къ тому, чтобы достойно приготовить дѣтей своихъ на служеніе и разыгрываніе *блистательной* роли въ большемъ свѣтѣ — въ этомъ «grand monde» или какъ выражаются нынѣ — «société».

О чемъ, напримѣръ, мечтаютъ вотъ эти милыя, молоденькія созданья, которымъ уроки ужъ надоѣли, — музыка нестерпима?... о чемъ?... онѣ спѣшатъ, неопытныя, — онѣ жаждутъ, нетерпѣливыя, — достигнуть какъ можно скорѣе, той эпохи въ жизни, когда распахнутся для нихъ двери очаровательныхъ, роскошныхъ гостиныхъ, когда будутъ порхать ихъ легкія, стройныя ножки по узорчатымъ паркетамъ великолѣпно освѣщенныхъ залъ! Еще не кончивъ воспитанія своего дома, онѣ рвутся поступить скорѣе въ школу этой общей переработки!.. Съ неопытностію, съ пылкостью воображенія, подъ вліяніемъ ложнаго руководства, при слабомъ, или уже безсильномъ надзорѣ родителей либо родственниковъ ихъ, — онѣ бросаются въ этотъ міръ, который давно уже составлялъ любимый предметъ ихъ мечтаній, блаженство ихъ надеждъ, приманку ихъ *самолюбію*, *тщеславію*, обыкновенно очень быстро развивающимся изъ посѣянной въ нихъ заранѣе *суетности*!! О! конечно, съ восторгомъ и радостно принимаетъ ихъ свѣтъ! Онъ окружаетъ ихъ всѣмъ, что только можетъ очаровать юное сердце, увлечь пылкое воображеніе! Поклоненіе, вниміамъ, любезности, приглашенія на всѣ балы, на всѣ рауты, собранія, словомъ — общество расточаетъ предъ ними всѣ заманчивые свои дары, разставляетъ всѣ сѣти къ ногамъ неопытной юности! Рѣдко благоразумно, почти всегда невоздержно — пылкая юность бросается на эти дары, путается въ эти сѣти, упивается восторгами, пользуется

безъ разбора всѣми приманками общества, и въ этомъ головокружномъ упоеніи, въ этомъ усладительномъ обаяніи не замѣчаетъ, да и примѣтить не можетъ: какъ мало по малу переработывается умъ, какъ постепенно тускнѣетъ душа, какъ невыгодно измѣняется сердце!

Признаюсь вамъ, я всегда съ особенною грустію смотрю на дѣвушку, только что вступившую въ большой свѣтъ! Мнѣ жаль ее! Еще свѣжи краски жизненныхъ ея силъ!.. Еще горитъ этотъ дѣтскій огонь въ неотуманенныхъ ея глазахъ, еще кроткая бесѣда ея плѣнительна скромностью, стыдливостью, отсутствіемъ именно той *бойкости*, которую такъ быстро прививаетъ свѣтъ! Но увы! скоро все это исчезнетъ! Общество поможетъ ей въ два, много въ три года, утратить всѣ эти чудныя украшенія женской природы!

„Что ждетъ васъ, — милые цвѣтки, вырванные изъ „семейныхъ парниковъ и брошенные въ поле этого общаго, „безпечнаго прозябанія? — что ожидаетъ васъ впереди?“ думаю я иногда, любуясь на прелестный букетъ свѣжихъ еще Петербургскихъ красавицъ. „За какимъ сокровищемъ „въ жизни пришли вы сюда? Какого блага для ума, для „души и для сердца вы ищете въ этомъ пепелищѣ стра„стей, обмана и разочарованій?“

„Увы! упившись пагубнымъ нектаромъ *свѣтскихъ* наслаж„деній, можетъ быть съ отравою въ жизни придется вамъ „доканчивать свой путь земной и какъ тяжкое бремя не„сти съ собою — ропотъ, грусть, тоску и даже — кто „знаетъ? можетъ быть и раскаяніе!“...

Та же, а иногда еще хуже, участь постигаетъ и нашихъ молодыхъ людей! Съ университетской скамьи, а нерѣдко и безъ первой еще звѣздочки на эполетахъ, переступаютъ они на скользкій паркетъ „фешіонебельныхъ“

домòвъ, гдѣ собирается все, такъ называемое „избранное“ общество! Увлеченій бездна! Перевоспитаніе быстрое! Подъ вліяніемъ и руководствомъ опытныхъ пестуновъ блестящаго круга, законодателей и судей, — молодой человѣкъ дѣлаетъ удивительные успѣхи въ наукѣ: быть и жить въ большомъ свѣтѣ. Онъ скоро пріобрѣтаетъ дипломъ на члена, достойнаго модныхъ залъ. Прежнее воспитаніе дома, въ школѣ, или въ университетѣ — уже негодится. Общество, разумѣется *модное*, —требуетъ отъ него иныхъ уже понятій, иного взгляда на людей и вещи. Строгость добродѣтели напримѣръ, — въ глазахъ „этого *моднаго* свѣта“ — почти смѣшна! Дѣло чести, молодой *свѣтскій* герой понимаетъ уже не такъ, какъ ему бывало твердили съ профессорской каѳедры. Стыдъ возбуждается въ немъ не отъ того, отъ чего бы онъ краснѣлъ въ лѣтà своей, такъ называемой „житейской еще неопытности.“ Теперь напримѣръ, когда онъ твердо знаетъ уставъ *моднаго* большаго свѣта, онъ постыдится сдѣлать утренній визитъ въ лайковыхъ перчаткахъ того цвѣта, который допущенъ только къ обѣду! Ему стыдно — и Боже упаси! ежели въ какой нибудь любезности на французскомъ языкѣ, — онъ сдѣлаетъ ошибку въ падежѣ, или родѣ! Какъ можно? Ни самъ онъ себѣ, ни другіе ему — этого ни-за-что не простятъ! А обмануть кого нибудь; а брать въ займы съ намѣреніемъ никогда не заплатить; а оклеветать кого нибудь въ глазахъ модной героини; а быть неучтивымъ къ старшимъ, невѣжею предъ дамами, — ему не стыдно!

Ему стыдно подать нищему при всѣхъ копѣйку, — а бросить тысячи на уборъ какой нибудь цыганки — не стыдно!.....

Но я не хочу, я не буду докучать вамъ примѣрами переработки нашей молодежи, когда она поступаетъ на пе-

ревоспитаніе, по законамъ „большого, *моднаго* свѣта.“ Вы видите, что я представилъ здѣсь еще самые легкіе, еще самые ничтожные примѣры.

Довольно вамъ сказать, что рѣдкій молодой человѣкъ, поступая въ эту общую школу, сохранитъ прежнюю чистоту ума, чистоту души и сердца! Встрѣчая новыхъ учителей — наставниковъ ни одного, — находя тамъ строгихъ цѣнителей, домогаясь ихъ одобренія, юноша увлекается, покоряется и наконецъ совсѣмъ сдаётся, желая, силясь даже иногда превзойти своихъ цѣнителей и судей — коноводовъ Общества.... Да кто же эти цѣнители, эти судьи, эти коноводы, эти законодатели въ нашемъ *модномъ* кругу, — спрòсите вы меня? Я не думаю, что бы вы ихъ не знали. О нихъ идетъ молва. О нихъ разсказываютъ анекдоты; ихъ слова, поступки, поведеніе — всѣмъ извѣстны. Ихъ пòшлое — не пошло; въ нихъ смѣшное — не смѣшно; ихъ черное — почти что бѣло! Ихъ рѣдко въ *модномъ* свѣтѣ осуждаютъ, а въ тихомолку какъ многіе имъ тамъ, завидуя, подражаютъ! Непростительное въ другихъ, — простительно и даже мило въ этихъ герояхъ и героиняхъ блестящаго круга! Ихъ слово — приговоръ! А приговоръ ихъ — конецъ, или слàва для приговореннаго. О! я приглядѣлся къ нимъ! Въ жизни моей я довольно наслушался ихъ сужденій и знàю, кажется, довольно вѣрно: каковъ ихъ взглядъ на людей и вещи!

Разумѣется тонъ и характеръ обществу, — (не забывайте ради Бога, что я все-таки говорю вамъ только о „большомъ, *свѣтскомъ*, *модномъ кругѣ сближенія людей*“, — а отнюдь не о фамильныхъ связяхъ у насъ) — такъ тонъ и характеръ этому-то блистательному, „фешіонебельному“ свѣту — даютъ, какъ вездѣ и всегда, женщины, избранныя общимъ мнѣніемъ поклонниковъ въ законодательницы модъ,

обычаевъ и нравовъ. На этихъ царицахъ общества, останавливается вниманіе всѣхъ, зависть многихъ, а подражаютъ имъ — только способныя! Зачѣмъ мнѣ называть вамъ: кто онѣ у насъ? Вы о нихъ слыхали; вы конечно ихъ и знаете. Но искренно признаюсь вамъ, образчики наши далеко недостойны подражанія, какъ взглянешь на нихъ съ точки философскаго, нравственнаго воззрѣнія! А между тѣмъ имъ воздвигнутъ пьедесталъ; у ихъ подножія колѣна преклоняетъ толпа, на которую остальные слои общества смотрятъ какъ на представителей богатства, знатности и высшаго, тонкаго, изысканнаго вкуса и образованія! Горе тому, кто не поклоняется этимъ богинямъ! Но бѣда и тому, кто, образумившись, осмѣлится потушить ѳиміамъ въ кадилѣ своемъ, которое воскурялось предъ ними! Его осмѣютъ; общимъ хоромъ провозгласятъ чудакомъ, «mauvais genre»; мало этого, оклевещутъ если нужно, или представится удобный случай и бѣдняжка, лишенный такимъ образомъ милости героинь общества, поневолѣ долженъ будетъ оставить его, бѣжать хоть въ лѣсъ, чтобы подышать тамъ незараженнымъ воздухомъ и чтобы найти тамъ у звѣрей защиту противу *львовъ* и *львицъ* большаго звѣринца.

Я думаю, что нѣтъ никакой надобности объяснять вамъ: кто у насъ *львицы?* Каковъ ихъ характеръ? — разумѣя, конечно, въ общественномъ быту? Какова ихъ власть? Каково ихъ вліяніе и каково ихъ нравственное значеніе? Это повело бы меня къ слишкомъ грустнымъ подробностямъ. Я долженъ былъ бы говорить вамъ о сигарахъ, папиросахъ и о многомъ, отъ чего позвольте мнѣ себя уволить. Примитесь только наблюдать — и вы обрисуете себѣ ихъ сами!

Есть у насъ *львицы*, есть конечно и *львы*. Кому изъ нихъ

принадлежитъ первенство появленія въ нашемъ обществѣ, я ужъ право и не знаю. Да кажется и законъ натуральной исторіи мнѣ въ этомъ не поможетъ!

Дѣло только въ томъ, что *львовъ* у насъ много, *львенковъ* еще болѣе и число ихъ съ каждымъ днемъ умножается. Коноводы, законодатели, они же и герои общества. Ихъ появленіе въ извѣстныхъ залахъ и гостиныхъ „фешіонебельныхъ" домовъ, почитается необходимостью. Странно дать балъ и обойтись безъ *львовъ* и *львенковъ!* Свѣтъ осмѣетъ! Гдѣ же на раутѣ, не встрѣчаютъ ихъ? А въ гостиныхъ, а въ будуарахъ, чей голосъ заглушаетъ другихъ? Около кого собранъ кружокъ? Гдѣ слышенъ смѣхъ; гдѣ громче веселье? Конечно тамъ, гдѣ извѣстный *левъ*, раскинувшись небрежно на „софѣ", разсыпаетъ искры своего ума, остроты, любезности и просвѣщенія! Должно отдать нѣкоторымъ изъ нихъ и справедливость. Въ нихъ дѣйствительно найдешь и умъ, и остроту, и просвѣщеніе т. е. ученіе и кое-какое чтеніе! Но за то есть между ними и такіе, что намъ, старикамъ, право смѣшно и жалко видѣть: какія посредственности являются нынче на первомъ планѣ!... А между тѣмъ и они играютъ роль! И ихъ суда боятся иные!

Что же даетъ имъ право быть судьями и вожатаями въ обществѣ? А вотъ что: ихъ признанное главными героинями умѣнье—быть любезными въ залѣ; быть любезными въ гостиной, и особенно въ будуарѣ!

Въ чемъ же состоитъ эта—такъ сказать „*патентованная*" любезность? О! это ужъ неуловимое достоинство великихъ талантовъ! Это даръ, который нашему стариковскому понятію и недоступенъ! Но сколько я могъ однако подмѣтить, то у модныхъ львицъ, умнѣе, любезнѣе и пріятнѣе тотъ, кто громче другихъ говоритъ въ гости-

ныхъ и конечно по французски; кто *оригинальничаетъ*, обхожденіемъ съ дамами и дѣвицами, т. е. съ *первыми* дерзокъ и неразборчивъ на выраженія, разсыпая передъ ними либо приторности, либо остроты своего пресыщеннаго будто-бы ума, которому онъ самъ-же первый удивляется и первый рукоплещетъ; а съ *послѣдними*—съ дѣвицами—смѣлъ и неостороженъ до фамильярности, смѣшливъ до пошлости, направляя всю, такъ называемую, *оригинальную* свою любезность къ уничтоженію въ дѣвушкѣ какъ можно скорѣе *скромности* и къ развитію въ ней той *бойкости*, которою, по несчастію, многія у насъ такъ рано начинаютъ щеголять! Мнѣ искренно жаль, что наши цвѣтки *модныхъ* парниковъ торопятся не только скорѣе созрѣть, но даже и очерствѣть, если можно, полагая вѣроятно, что состояніе очерствѣлости гораздо интереснѣе и что оно обезпечитъ, оградитъ ихъ отъ „неизбѣжныхъ" какъ онѣ думаютъ, разочарованій въ жизни! О Боже мой! какое страшное заблужденіе! Но объ этомъ мы еще поговоримъ съ вами когда нибудь по-подробнѣе!... Такъ вы видите, какое жалкое направленіе дано любезности высшаго полета! Наши теперешніе любезники — можно сказать — развинтили нравы! Исчезла прежняя учтивость, по моему, первый признакъ порядочнаго и благовоспитаннаго человѣка! Нѣтъ никакого желанія отличаться ловкостью обхожденія; напротивъ, какое-то изысканное и вѣроятно, по кодексу, необходимое для „льва," *неряшество;* какая-то нравственная и физическая небрежность во всемъ: это «laisser aller moral et physique» о которомъ я еще съ вами поговорю: какія-то странныя выходки противу всего, что должно бы внушать уваженіе: безцеремонное рѣшительно со всѣми обхожденіе: словомъ сказать—я не знаю: есть ли что нибудь смѣшнѣе и даже карикатурнѣе ны-

нѣшняго *моднаго*, *свѣтскаго* человѣка, который изъ всѣхъ силъ старается играть въ обществѣ роль „образцоваго“? Смотришь, смотришь, не вѣришь, пожимаешь плечами и невольно вздыхаешь, прислушиваясь къ модному разговору въ нашихъ блестящихъ гостиныхъ.

—Ужели, нерѣдко я спрашивалъ самого себя, ужели это образцовыя бесѣды? Неужели въ этой пестрой толпѣ нашей свѣтской молодежи, мы, старики, должны видѣть, типъ современнаго просвѣщеннаго человѣка, готоваго явиться вездѣ достойнымъ представителемъ высшей образованности во всѣхъ отношеніяхъ?... Ужели наши женщины высокаго круга, которыя должны бы быть представительницами женской въ Россіи образованности, такъ низко уже упали нравственно, что для нихъ подобныя бесѣды,— пріятны; что для нихъ эти герои — образцовы! А между тѣмъ, какъ думать иначе? Я видѣлъ: онѣ смѣялись на всякую пошлую выходку; восхищались самою ничтожною остротою льва; слушали всѣ его нескромные вздоры!... И въ самомъ дѣлѣ, какъ не слушать, какъ не восхищаться? Вѣдь этотъ левъ—левъ не простой; какъ на бѣду онъ левъ и литтературный: пишетъ стишки и даже печатаетъ повѣсти и драмы въ толстыхъ журналахъ! Ну, ежели тамъ осмѣетъ; представитъ — провинціялкою. Бѣда! Прочтутъ, узнаютъ, разгласятъ по городу; съ стыда сгоришь и ужъ ни отъ кого не жди себѣ пощады!

Вотъ какой ложный стыдъ!! Вотъ какое жалкое опасеніе!!

Да, да, признаюсь вамъ: тяжко, грустно мнѣ было снять передъ вами покрывало съ такой мрачной картины! Но я вызвался говорить вамъ въ письмахъ моихъ *правду*. Выслушивайте же ее сполна, выслушивайте ее до конца! Минуты грустнаго раздумья у васъ пройдутъ а польза прояснится!

О! я знаю—явись я только съ этимъ взглядомъ, съ этою проповѣдью посреди *модной* толпы корифеевъ нашей блестящей, общественной сцены, — дождь злобныхъ насмѣшекъ польетъ на меня! Запой только кто нибудь иначе въ этомъ общемъ хорѣ *свѣтской* болтовни, — его засыплятъ остротами, его вытѣснятъ отовсюду!...

Чтобы не походить на Чацкаго въ безсмертномъ „Горе отъ ума" поневолѣ остаешься молчаливымъ свидѣтелемъ *свѣтскаго, моднаго* распущенія нравовъ; терпѣливо выслушиваешь вздоръ, такъ ловко принаровленный къ звукамъ французскаго языка, и не платя всеобщей дани восторга тому, что нынче дѣлается, и чѣмъ нынче восхищаются, — смотришь съ улыбкою на свое прошедшее, и утѣшаешься мыслію, что можешь, по-крайней-мѣрѣ, быть полезенъ хоть тому, кто, какъ вы напримѣръ, рѣшится выслушать правду.

Теперь, если бы, прочитавъ это длинное, ужъ очень длинное письмо, вы меня спросили: „да что же нужно дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ? Оставить общество? Не выѣзжать въ свѣтъ? Я бы не затруднился отвѣтить вамъ, и вотъ что̀ бы отвѣтилъ: „счастливы, о! сто-кратъ счастливы тѣ, которыхъ можетъ удовлетворить семейный кругъ и тѣсная рамка друзей и близкихъ знакомыхъ, — къ какому бы слою общества они ни принадлежали!

Семейныя связи и связи дружбы во всѣхъ кругахъ общества могутъ быть одинаково образцовыми. Въ этихъ условіяхъ, жизнь не испытываетъ перевоспитанія! Напротивъ, посѣянныя въ дѣтствѣ добрыя сѣмена — приносятъ тутъ свои настоящіе плоды! Въ этихъ отношеніяхъ, человѣкъ являетъ собою результатъ своихъ трудовъ; въ немъ видно: какъ приготавливалъ онъ себя къ жизни;

какъ разумѣетъ онъ значеніе и святость ея; какъ понимаетъ онъ исполненіе лежащаго на каждомъ изъ насъ долга *христіанина*, *семьянина* и *гражданина*—чего требуютъ отъ насъ связи родства и дружбы, даже и безъ общественныхъ нашихъ отношеній!

Но конечно не всѣмъ суждено, по обстоятельствамъ, обусловить себя только такимъ существованіемъ! Я знаю, что есть *обязанности* и *свѣтскія*, къ обществу, которыя налагаются на насъ: или рожденіемъ, или связями, или нашимъ положеніемъ въ свѣтѣ. По этому нельзя иногда избѣгать его шумнаго веселія, его блестящей траты времени! Да даже это веселіе, эта трата времени, могутъ, въ извѣстные годы до нѣкоторой степени и нравиться! Надобно только знать: есть ли возможность — принимая участіе во всемъ этомъ—не терять ничего изъ собственнаго достоинства, сохраняя въ себѣ *строгое*, *нравственное значеніе человѣка!*

О! я первый поторопплюсь вамъ сказать, что есть. Не думайте, чтобы я, обрисовавъ вамъ такими нерозовыми красками современное наше блестящее общество, въ которомъ — правду молвить—очень мало розъ, а ежели и появляются, то необыкновенно скоро вянутъ,—не думайте, чтобы я хотѣлъ ужъ заклеймить его упрекомъ совершеннаго нравственнаго упадка! Боже избави меня и отъ мысли объ этомъ. Нѣтъ; и посреди этого мишурнаго золота есть настоящее золото! И въ этомъ общемъ характерѣ нравственной небрежности, легкости, встрѣчаются отрадныя явленія, утѣшительныя исключенія!...

Да какъ же имъ и не быть! Вѣдь я же сейчасъ вамъ сказалъ, что есть возможность вести себя какъ слѣдуетъ въ этомъ хаосѣ блестящаго безпорядка!... Надо только умѣть стать на должную ступень посреди этой движущейся

во всѣ стороны толпы. Конечно это умѣнье дано не всякому. Особливо неопытному и неопытной трудно отыскать ее, а отыскавъ, удержаться, когда столько приманокъ и соблазновъ справа и слѣва для совращенія съ пути.

Знакомый съ вашимъ положеніемъ въ свѣтѣ, я вамъ прямо скажу: не избѣгайте его; не избѣгайте этого моднаго блестящаго соединенія людей; выѣзжайте въ свѣтъ; но выѣзжая, вспоминайте хоть изрѣдка показанную мною вамъ картину и не увлекайтесь тѣмъ, что можетъ поразить, очаровать неопытный вашъ взглядъ! Не забывайте, что и мишура блеститъ! Я знаю: *свѣтская* жизнь въ юные годы, заманчива, занимательна, любопытна, привольна и очень привольна, но также для многихъ бываетъ и горестно поучительна! Являйтесь же въ общество; являйтесь въ эту житейскую школу для неопытныхъ и неосторожныхъ, но являйтесь какъ уже приготовленная къ своей настоящей роли, какъ уже не нуждающаяся въ урокахъ! При всей строгости *уставовъ свѣтскихъ*; при всей взыскательности *модныхъ обычаевъ*, не всегда и не во всемъ согласныхъ съ доброю нравственностію, умѣйте сохранить въ себѣ тѣ качества, которыя отличаютъ *воспитаніе благое* отъ *воспитанія* — только *блистательнаго*, и которыми должна украшаться всегда, всю жизнь женщина, — ежели она постигаетъ и цѣнитъ свое высокое назначеніе на землѣ!

Понятія наши о *женщинахъ*, благодаря просвѣщенію, довольно уже выяснились; назначеніе и значеніе ея — уже опредѣлены. Къ сожалѣнію только, нравы обществъ по временамъ искажали эти понятія! Не всегда женщины давали себѣ трудъ понять и взвѣсить свое значеніе въ общественной, гражданской и семейной жизни людей! Отъ этого — въ современномъ намъ обществѣ женщина и утратила во многомъ свои существенныя качества, состав-

ляющія въ ней „*женственность*“ — то, что нѣмцы называютъ „Weiblichkeit“.

Наши *свѣтскія* дамы, да къ-несчастію, и дѣвицы тоже, заботятся не столько о сохраненіи этихъ качествъ, сколько о томъ, чтобы въ общественныхъ столкновеніяхъ въ залахъ и гостиныхъ стать какъ можно скорѣе на уровень съ мужчинами, забывая конечно, что этимъ онѣ не возвышаютъ, а только унижаютъ свою природу....

Неужели въ-самомъ-дѣлѣ не видятъ онѣ, что назначеніе женщины, которой сама природа, созданная такъ чудно Богомъ, требуетъ... однако я вижу, что я ужъ слишкомъ болтливъ сегодня! Позвольте бросить перо и „о природѣ и назначеніи женщины“ оставить до другаго раза — не смѣю даже сказать: до слѣдующаго письма....

Я усталъ... и жду отрады отдохнуть душою на вашихъ, всегда для меня милыхъ, строкахъ.

Придите же скорѣе на помощь и утѣшьте старика.

А. К.

Письмо IX.

[ОТЪ НЕЯ КО МНѢ.]

С.-П.-бургъ, 14 *Декабря 184.. г.*

Наконецъ, наконецъ-то дождалась я отъ васъ письма, — и признаюсь вамъ, — терпѣніе мое, или моя нетерпѣливость — какъ вы назовете — вознаграждено вполнѣ! Письмо ваше доставило мнѣ долгое, предолгое чтеніе. А удовольствіе? — спрòсите вы. Какъ вамъ сказать? Вы сами внушили мнѣ мысль смотрѣть на ваши письма съ точки поучительной ихъ пользы. А вѣдь что поучительно, то не всегда пріятно. Въ картинѣ вашей конечно много вѣрнаго; но вы повѣрите мнѣ, ежели я скажу, что при всей моей неопытности, я и сама мало цѣню все блестящее въ свѣтѣ. Помните ли вы: чтò я вамъ писала однажды? Чтò привезла я домой съ пышнаго раута у **? Скуку, тоску, головную боль и такую пестроту грустныхъ впечатлѣній, — что тогда мнѣ, теперешнее ваше письмо принесло бы и пользу и удовольствіе! О! какъ бы оно согласовалось тогда во всемъ съ моими мыслями и съ моимъ собственнымъ взглядомъ на всю эту толпу большаго свѣта!

Впрочемъ и теперь я съ вами спорить не буду. Только не слишкомъ ли вы строги ко мнѣ и ко всѣмъ моимъ подругамъ *свѣтскаго* веселья? Не представляете ли вы насъ гораздо болѣе слѣпыми, нежели сколько въ самомъ дѣлѣ мы таковы? Неужели вы думаете, что мы всѣ, которыя слывемъ *„свѣтскими дѣвушками“* уже такъ привязаны къ свѣту, такъ любимъ мишурный его блескъ, — что другой отрады намъ въ жизни нѣтъ, какъ

выѣзжать на балы, на рауты и слушать вздоръ модныхъ любезниковъ? Ахъ! Боже мой! иногда дѣлаемъ это мы по необходимости; а вѣдь вы сами же говорите, что есть возможность и въ свѣтѣ быть не свѣтскою, т. е. быть не въ той толпѣ, изъ которой вы выбрали и типы и краски для вашей картины!...

Я постараюсь воспользоваться вашими уроками! Да мнѣ и скучно тамъ! Я буду философкою! Ахъ да! писала ли я вамъ, что начала теперь ужъ новыя записки?... Совершенно въ другомъ родѣ, нежели прежнія!... Посмотримъ — на долго ли? Я вѣдь пренесносная!!...

Но прощайте! прощайте! Карета подана. Надо ѣхать съ визитами... Все свѣтскія условія! Все свѣтскіе законы! Не правда ли — это несносно? Что дѣлать!... Но о «Weiblichkeit» — о «Weiblichkeit» — поскорѣй! прошу и жду... adieu.

NN.

Письмо X.

[ОТЪ МЕНЯ КЪ НЕЙ.]

С.-П.-бургъ, 18 Декабря 184.. г.

Въ самомъ дѣлѣ вы нетерпѣливы! Вы кажется не хотите, чтобы мое перо и отдохнуло немножко! Едва кончу я одно разсужденіе и всегда длиннѣе обѣщаннаго, — можетъ быть даже длиннѣе желаемаго, — какъ вы уже требуете отъ меня другого! А знаете ли вы, что въ *терпѣніи*, или въ *терпѣливости*, (что впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ, не одно и тоже), обнаруживается одинъ изъ признаковъ характера, который уже установился и выработанъ благоразуміемъ.

Но ваше нетерпѣніе такъ свойственно той эпохѣ жизни, въ которой вы теперь находитесь, что я охотно удовлетворяю ему. Я хочу въ этомъ случаѣ побаловать васъ, какъ балуютъ милое дитя въ его невинныхъ требованіяхъ, въ его безвредныхъ прихотяхъ!

Я обѣщалъ поговорить съ вами *о свойствахъ женской природы*; о томъ, что̀ я называю „*женственностію*“ вообще. Мнѣ хотѣлось бы показать вамъ при этомъ: какое, по моему мнѣнію, назначеніе женщины на землѣ? и въ какой степени въ наше время, когда значеніе женщины въ гражданскомъ, семейномъ и общественномъ быту уже ясно

опредѣлилось, — въ какой степени, говорю, это значеніе, въ современномъ намъ обществѣ, о которомъ я къ вамъ недавно писалъ, — съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ свою важность, свое высокое, скажу даже — свою святость!

Всѣ эти предметы, какъ вы видите, могутъ быть, по обширности своего смысла, развиты въ отдѣльныхъ письмахъ, составляя особое разсужденіе по каждому изъ нихъ. Но я постараюсь развить ихъ нераздѣльно въ одномъ письмѣ и притомъ столь кратко, чтобы не утомилось ваше вниманіе.

Я очень понимаю, что употребленное мною слово: *женственность* «Weiblichkeit» особенно подстрекнуло ваше любопытство. Неправда ли, вы думаете: какъ можетъ мужчина разгадать хорошо природу женщины? Кто, кромѣ самой женщины, въ состояніи подмѣтить, такъ сказать, уловить свойства женской природы? Вѣдь мужчины только воображаютъ себѣ, что они могутъ знать, что они могутъ постичь, сердце женщины вообще!

О! Боже мой! сколько разъ въ жизни, случалось мнѣ слышать эти возгласы на счетъ неуловимости женской природы, на счетъ непостижимости всѣхъ изгибовъ женскаго сердца! И знаете ли: кто обыкновенно придаетъ себѣ эту таинственность? Кто эти непо́нятыя, или непонятныя существа? Какъ вы думаете, *кто?* По большей части сентиментальныя героини, начитавшіяся романовъ и которыя не по̀няты только собою и не понятны только для себя, для своего воспламененнаго воображенія. А для хладнокровнаго наблюдателя — философа — онѣ просто жалки! Гордятся правда непостижимостью своей природы — и еще другого рода героини. „Насъ не понимаютъ; насъ не въ состояніи понять!“ —твердятъ иногда *модныя львицы* своимъ *львамъ*,

когда въ пылу свѣтскаго разговора, зайдетъ у нихъ рѣчь о женской природѣ вообще. Вотъ съ этими, почти и я согласенъ, что ихъ дѣйствительно нельзя понять, и непонятны-то онѣ потому, что у нихъ все *женское*, все истинно женское утрачено; что у нихъ все нѣжное, все чистое, все благородное, все возвышенное, все очаровательное, словомъ: все *женственное*, замѣнено бойкимъ, рѣзкимъ, смѣлымъ, вообще тѣмъ, что такъ непріятно противурѣчитъ настоящей ихъ природѣ, созданной такъ великолѣпно Богомъ и что, какъ видно, составляетъ нынче типъ образцоваго существа *моднаго свѣта*.

Эти женщины — правду сказать—точно не понятны — для меня по-крайней-мѣрѣ. Какъ о первыхъ сожалѣешь, такъ молча и пожимая плечами, этимъ—только удивляешься!

Но повѣрьте мнѣ, женское существо, вполнѣ развитое, со всѣми благородными, со всѣми высокими его свойствами, мало того что понятно, оно отрадно, оно утѣшительно для насъ! Мы передъ нимъ благоговѣемъ и смиряясь въ своей гордости, ставимъ его выше, гораздо выше насъ!...

Позвольте спросить васъ—мечтали ли вы когда нибудь объ *идеалахъ?* т. е. создавали ли вы себѣ когда нибудь существо, въ которомъ соединены были всѣ совершенства человѣческой природы—разумѣется совершенства, какъ вы ихъ своею фантазіею понимаете. Я увѣренъ, что да; вы конечно несозна́етесь, но такимъ мечтательнымъ идеаломъ уже увлекалось ваше воображеніе. Я почти убѣжденъ въ этомъ. Можетъ быть оно и продолжаетъ еще увлекаться, но это не на долго и не страшитесь этого. Каждый изъ насъ платитъ, или по-крайней-мѣрѣ рѣдкій изъ насъ не платилъ дани молодому воображенію, которое въ извѣстные годы жизни, не довольствуясь міромъ дѣйствительнымъ, улетаетъ въ предѣлы горніе, и тамъ ищетъ—и представьте себѣ сча-

стіе его,—всегда почти находитъ, какое нибудь необыкновенное, несбыточное существо. Словомъ находитъ „*свой идеалъ*“ Я съ намѣреніемъ говорю вамъ „*свой*,“ потому что у каждаго изъ насъ, въ годы мечтательности встрѣчается непремѣнно *свой* идеалъ, нисколько не похожій на идеалы другихъ. Боже упаси! Въ этомъ-то и оригинальность фантазіи! А дѣлиться *своимъ* идеаломъ съ другими, или заимствовать его отъ другихъ—какъ можно? Эгоизмъ не допуститъ, самолюбіе не позволитъ!...

Мы напримѣръ мужчины—мы, въ молодости своей непремѣнно создаемъ себѣ *идеалъ женщины!* И Боже Праведный! сколько поэзіи въ этомъ идеалѣ! И какъ много поэтическаго въ насъ самихъ, когда мы встрѣчаемъ *свой* идеалъ! И знаете ли: гдѣ чаще всего бываютъ эти встрѣчи? Смѣшно сказать—на лунѣ; да, да, на лунѣ, потому что господа мечтатели—мнимые поэты—престрашные ревнивцы! Ну что́-бы показать *свой идеалъ* другимъ; зачѣмъ бы, кажется, не украсить имъ земли, гдѣ всѣ бы любовались имъ; нѣтъ, непремѣнно спрячутъ его куда нибудь подалѣе, въ луну, или отдадутъ любимой звѣздочкѣ на сохраненье, а сами только напѣваютъ здѣсь во всеуслышанье, и часто для тоски другихъ: то „*къ ней!*“ то: „*она*“ то: „*мой идеалъ*“ и т. д.

Въ этихъ строкахъ, вы можетъ быть захотите узнать признанье грѣшника—не правда ли? Не отпираюсь—виноватъ, грѣшилъ! Но съ молодостію — что̀ не проходитъ?!

А развѣ не то-же дѣлаете и вы, прекрасныя, юныя и милыя созданія?.. Развѣ и вы не уноситесь мечтою за предѣлы подлуннаго міра, чтобъ тамъ — въ надзвѣздномъ — плѣниться существомъ, достойнымъ васъ и выше и чище, гораздо чище тѣхъ, которыя здѣсь на землѣ и такъ мало способны осуществить вашу мечту, вдохновить ваше чув-

ство, зажечь въ васъ любовь!... Разва не ту-же дань фантазіямъ платите вы, какъ и мы грѣшные?..

Мужчина о своемъ идеалѣ поетъ; женщина молчитъ и вздыхаетъ! Вотъ вся разница! Но все это—до поры, до до времени! По мѣрѣ охлажденія нашей мечты, спускаясь съ 7-го неба на грѣшную землю, гдѣ болѣе нужна сила *созерцательности*, нежели воображенія, мы мало по малу теряемъ изъ виду свой мечтательный міръ; тускнѣютъ наши свѣтозарные, лучезарные и Богъ знаетъ еще какіе *идеалы*; луна и звѣзды кажутся ужъ необитаемыми; глаза, мысли и чувства тянутъ насъ къ землѣ; умъ, очищенный отъ прихотливыхъ фантазій, разувѣряетъ сердце, что *идеаловъ* нѣтъ, что *идеаловъ* быть не можетъ; что сердцу суждено жить здѣсь и биться не для жителей луны и наконецъ само сердце убѣждается, что дѣйстительно ему должно довольствоваться тѣмъ, что оно находитъ въ здѣшнемъ мірѣ, гдѣ не было, гдѣ нѣтъ и гдѣ не будетъ *совершенства*. Я разумѣю совершенства между *людьми*, потому что въ *природѣ*, созданной Богомъ, какъ я уже писалъ къ вамъ,—все *совершенство*! Только выработанное человѣкомъ, только самъ человѣкъ, уклонившійся отъ первозданныхъ своихъ свойствъ — являютъ собою недостатки, несовмѣстимые съ понятіемъ объ *идеалѣ*. Слѣдовательно между людьми нѣтъ идеаловъ, потому что между ними вы не найдете *совершенства* во всѣхъ отношеніяхъ! Но тутъ я позволю себѣ вопросъ: „если нѣтъ „между людьми *безусловнаго совершенства*, — нѣтъ ли по„крайней-мѣрѣ между ними, кого нибудь, кто бы хоть ближе „подходилъ къ нему? Кто бы достигалъ *совершенства* хоть „*условнаго*, возможнаго здѣсь на землѣ? Словомъ: если нѣтъ „*существъ-идеаловъ*, — то нѣтъ ли хоть *существъ идеаль*„*ныхъ*?“ Не знаю: чувствуете ли вы разницу въ этомъ и чтобы *вы* мнѣ отвѣтили? Но съ своей стороны, постигая ее

вполнѣ, не смѣю сказать вамъ: есть, потому что я ихъ теперь не знаю; а смѣло могу сказать вамъ, — были и конечно могутъ быть!... И въ этомъ случаѣ *мы*, *мужчины*, гораздо счастливѣе васъ! Вы спросите: почему? А вотъ почему, потому что эти идеальныя существа могутъ встрѣтиться только *намъ*, посреди васъ; только изъ міра женскаго и можетъ еще явиться созданіе дивное, возвышенное, *идеальное*, подходящее ближе къ образцу Божьяго творенія!

Идеальнаго мужчины нѣтъ, и не въ обиду моей братіи будь сказано, едва ли онъ былъ, едва ли онъ будетъ? Но *идеальная женщина* — можетъ быть, — можетъ, если только въ ней въ высшей степени развита „*женственность*"; если только въ ней чистая ея женская природа выяснилась во всѣхъ качествахъ, во всѣхъ склонностяхъ и если она до самаго конца жизни являетъ собою существо чудное, нѣжное, благородное, какъ бы посланное на землю въ отраду и для улучшенія насъ грѣшныхъ!...

Послѣ этого, вы конечно съ нетерпѣніемъ ждете разрѣшенія вопроса: да что же такое „*женственность*" Weiblichkeit? Въ чемъ она именно заключается? Извольте. Я разрѣшу вамъ это по своему.

Прослѣдимте всѣ возрасты, главнѣйшіе по-крайней-мѣрѣ, въ вашей жизни и я вамъ покажу: какія качества въ каждомъ изъ этихъ возрастовъ составляютъ, по моему мнѣнію, вашу плѣнительную, вашу *идеальную женственность*.

Эти качества даются вамъ Богомъ, при вашемъ рожденіи. Не думайте, чтобы сохраненіе, сбереженіе ихъ, принадлежало къ области фантастическихъ желаній. Вовсе нѣтъ! Повѣрьте мнѣ, оно возможно; оно даже естественно, если бы только современное воспитаніе ваше не было, по несчастью, исключительно или преимущественно направляемо на общественную, *свѣтскую* сцену, гдѣ уже

всѣ эти качества, при новой переработкѣ жизни, скоро исчезаютъ и гдѣ развиваются другія, далеко не составляющія той *женственности*, о которой я вамъ сейчасъ буду говорить и о которой свѣтъ и хлопотать не хочетъ!..

Прослѣдимте же главнѣйшіе возрасты вашей жизни.

Женщина — *ребенокъ*... ну что̀ можетъ быть чище, что̀ можетъ быть прекраснѣе, милѣе, очаровательнѣе развивающейся къ жизни дѣвочки? Какое существо, особливо ежели еще и наружность ея ангельская, спрашиваю: какое существо подходитъ ближе къ *идеальному?* Можно ли сравнить съ нею мальчика? Взгляните только на ея черты, развѣ не видите: какое не земное выраженіе въ нихъ! Этотъ свѣтлый, ясный взоръ, безъ всякаго земнаго блеска; эта милая, невинная улыбка; этотъ правильно изящный овалъ шелкомъ убранной головки; этотъ нѣжный, звучный голосъ, который, какъ не разстроенный еще земными страстями инструментъ, дышетъ гармоніею всего прелестнаго созданья и такъ примирительно и такъ безстрастно касается вашего слуха! А эти пластическія формы ея стройнаго возрастанія! Въ самомъ дѣлѣ, ну, что̀ можетъ быть небеснѣе такого созданія на землѣ?..

Но чтобы это плѣнительное существо было въ полномъ смыслѣ существо *идеальное*, — какъ вы думаете, чѣмъ должна быть еще украшена природа такой — уже поразительной красотою — дѣвочки?

Вы можетъ быть скажете: бойкій умъ, рѣзвый нравъ, раннiе таланты дополнятъ ея очаровательность!. Нѣтъ! По моему ни умъ, ни ловкость, ни таланты возвышаютъ женскую природу, а качества, въ которыхъ обнаруживается ваша *женственность*.

Основаніе же этой *женственности* преимущественно въ

кротости вашего *сердца*. Пусть только въ такой дѣвочкѣ, какъ я вамъ сейчасъ описалъ, проявляется въ каждомъ словѣ, въ каждой мысли, въ каждомъ движеніи *кротость сердца*, — источникъ всѣхъ ея другихъ прекрасныхъ качествъ, — не нужно ей ни бойкаго ума, ни ранняго развитія талантовъ, ни ловкости особенной, чтобы уже быть въ моихъ глазахъ по-крайней-мѣрѣ существомъ милымъ, *женственнымъ* и близкимъ къ идеалу этого возраста!...

Теперь представимъ себѣ, что эта дѣвочка росла, развивалась физически, нравственно и умственно и вотъ уже достигла возраста юной *дѣвушки!*

Ежели только *кротость сердца—основаніе женственности*, какъ источникъ всѣхъ плѣнительныхъ въ женщинѣ качествъ—была сберегаема въ ней воспитаніемъ; ежели только съ пониманіемъ истиннаго назначенія женщины на землѣ развивали въ ней не столько бойкость ума, сколько доброту души и нѣжность сердца, то эта дѣвочка, изъ ребенка кроткаго, сдѣлается дѣвушкою доброю, послушною и стыдливою. Она появится между нами съ чистотою возвышенныхъ чувствъ, съ ясностію свѣтлаго ума, а главное—съ стыдливостію и покорностію робкаго сердца, не отуманеннаго никакими искушеніями, съ душою прозрачною какъ стекло! А потому, *доброта*, *покорность* и *стыдливость*, какъ плоды взлелѣянной въ дѣтствѣ кротости, составляютъ, по моему мнѣнію, *основу женственности* въ *дѣвичьемъ возрастѣ* вашей жизни! Согласитесь, что при достоинствахъ красоты наружной, съ такими качествами дѣвушка должна быть обворожительно прекрасна! Мало ей поклоненія, нужно благоговѣть передъ нею!! А я знаю, что люди, что свѣтъ, что общество постараются какъ можно скорѣе перевоспитать ее. Стыдливость и послушаніе ея будутъ осмѣяны въ этомъ обществѣ. Доброту припи-

шутъ недостатку развитія ума, и дабы изъ этого истинно женскаго существа, которымъ плѣнялись въ дѣтствѣ, которое должно бы украшать собою семейный кругъ, сдѣлать образецъ *свѣтской дѣвушки*, — учительницы общественной школы постараются природныя качества ея передѣлать въ *бойкость*, *своеволіе* и нестерпимое *кокетство*, внушая вѣроятно мысль, что бойкость необходима въ залахъ, что своеволіе прилично ужъ той, которая выѣзжаетъ въ свѣтъ, что въ кокетсвѣ — вѣрный способъ побѣждать! Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ въ свѣтѣ дѣвушекъ и ловкихъ и любезныхъ безъ изысканности, талантливыхъ до превосходства, умныхъ даже до учености; но многія ли изъ этихъ пчелокъ и бабочекъ, которыя такъ мило жужжатъ, порхая въ блестящихъ залахъ, многія ли изъ нихъ, спрашиваю, отличаются должною *кротостію*, должною *покорностію*, и должною *стыдливостію?*

„—Fi, mais c'est du provincialisme“ —воскликнули бы онѣ, если бы я сталъ твердить имъ о сохраненіи лучшаго украшенія, лучшаго наряда ихъ природы — *женственности!*

Но пойдемте далѣе дѣвичьяго быта. Переступая со ступени на ступень жизненной лѣстницы, существо, котораго *два* возраста я описалъ вамъ выше, вступаетъ наконецъ на главнѣйшую. Она дѣлается *супругою;* она дѣлается *матерью семейства.* Она женщина въ полномъ и обширномъ гражданскомъ смыслѣ. Она принимаетъ на себя священныя обязанности—къ мужу, къ семейству и къ обществу.

Казалось: тутъ бы должна вполнѣ развиться женщина со всѣми качествами, которыя ставятъ ее выше, гораздо выше насъ, а по-несчастью мы видимъ напротивъ: только чепчикъ да право на титло: «Madame» вдругъ такъ развертываютъ нашихъ молодыхъ женщинъ и такую придаютъ имъ смѣлость, что онѣ торопятся какъ можно скорѣе и

рѣшительнѣе разстаться съ качествами *женственности* (если они въ нихъ до того времени были), чтобы немедленно стать на уровень мужчинъ! Право невольно сожалѣешь о нихъ и думаешь: неужто онѣ не знаютъ, неужто онѣ не чувствуютъ, что именно въ эту пору женской жизни и слѣдуетъ имъ начать свое святое дѣло, исполнять свое высокое назначеніе, т. е. улучшать и облагороживать насъ, укрощая своею *женственностью* наши нравы, умягчая наше сердце, очищая нашу душу и возвышая нашъ умъ!

Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ еще условіяхъ жизни женщина можетъ болѣе обнаруживать въ себѣ *идеальную женственность*, какъ не въ этихъ, когда она *подруга* избраннаго ея сердцемъ человѣка и *мать* милаго и дорогого ей семейства?

Не въ эту ли только пору жизни довершается ея развитіе? Не съ этого ли только времени, она начинаетъ собственно жить своими силами? Не теперь ли объясняется ей все ея значеніе на землѣ? Не тутъ ли видитъ она, для чего Богъ далъ ей жизнь, для какой цѣли создалъ ее?...

Дѣвочка и дѣвушка она, вѣдь существованіе ея еще не полное! Единицею пройти на пути жизни, она не можетъ, не должна! Какъ спутницу въ жизни, какъ отраду, какъ любовь, Богъ послалъ ее на землю для *сердца* человѣка, и потому я думаю, что источникъ жизни ея и цѣль ея жизни, должны быть—въ *сердцѣ!*

Развитіе ума—для женщины дѣло второстепенное! Она плѣнительна прежде всего *сердцемъ*, а потомъ уже умомъ и талантами. *Сердце* должно въ ней господствовать во всемъ. И тогда, въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ ея словѣ, въ каждой ея мысли проявится *женственность*,—женственность,

которая такъ возвышаетъ васъ въ глазахъ всякаго здравомыслящаго и неиспорченной нравственности человѣка!

Въ самомъ дѣлѣ можно ли безъ уваженія, безъ благоговѣнія смотрѣть на молодую, прекрасную женщину, въ которой соединено все, чтобы украшать и утѣшать человѣчество?

Взгляните напримѣръ — вотъ прежній нашъ *кроткій*, милый *ребенокъ!* Вотъ та юная, *стыдливая дѣвушка*, которою мы любовались, какъ цвѣткомъ нѣжнаго благоуханья, какъ тихимъ, живительнымъ утромъ майскаго дня!! — Въ дивной гармоніи развивались всѣ силы этого, почти не земнаго, существа! Умъ укрѣпился опытностью; душа пріучилась къ добру; *сердце*, сохранивъ прежнюю *кротость*, свыклось съ покорностію и дѣвичья *стыдливость* ея, при новыхъ теперь условіяхъ жизни, при иныхъ теперь столкновеніяхъ съ людьми и обстоятельствами, приняла плѣнительныя формы женской *скромности*.

Пусть какъ жена и мать, въ кругу своего семейства, гдѣ тысячи встрѣчаются обязанностей прозаическихъ, она удаляется иногда отъ пластической идеальности, столь свойственной только женской природѣ; за то въ мірѣ, между людьми, въ обществѣ, она является всегда женщиною, — въ самомъ высокомъ, въ самомъ плѣнительномъ значеніи этого слова! Да, въ ней всё должно быть обворожительно; въ ней всё должно внушать уваженіе, потому что *женственность* въ ней въ каждомъ, можно сказать, суставчикѣ. Говоритъ ли она, сидитъ ли она, ходитъ ли, взглянетъ ли, танцуетъ ли, поётъ ли?... скажу вамъ болѣе, — за рабочимъ ли столикомъ она, за чаемъ, за обѣдомъ, кушаетъ ли, пьётъ ли?... скажу вамъ еще болѣе: шутитъ ли она, груститъ ли, молится?... въ ней всё, всюду и всегда — видна женщина!... женщина, которая, не смотря на всѣ недостатки свои, только одна и можетъ еще подойти къ *идеальности!*

О! какъ же счастливъ долженъ быть тотъ, кто встрѣтивъ подобное существо въ мірѣ, — сердцемъ овладѣетъ имъ!

Но я чувствую — вы мнѣ скажете, что несмотря на мою старость, я всё-таки мечтатель, что такихъ существъ нѣтъ на землѣ; что это все-таки *мой идеалъ!*

Не говорю вамъ: есть; но повторяю, каждая изъ васъ можетъ быть! Берегите и развивайте въ себѣ только то, что̀ лучшее въ вашей природѣ! Сохраняйте качества, въ которыхъ вся ваша чудная, плѣнительная *женственность!* Повѣрьте мнѣ, эти качества не составляютъ еще совершенства, невозможнаго на землѣ! Не думайте, право, что *женственность*, какъ я ее понимаю, не допускаетъ никакихъ уже недостатковъ?

О! Боже мой! да кто-жъ безъ недостатковъ въ здѣшнемъ мірѣ? У кого нѣтъ слабостей? Кто не грѣшенъ передъ людьми и собою? Но эти слабости, но эти недостатки, въ женщинѣ, которую я обрисовалъ вамъ, какъ *идеальную*, непремѣнно носятъ на себѣ и отпечатокъ *женственности*; они почти необходимы женской природѣ ея, по самому сотворенію своему слабой, нѣжной, эфирной, словомъ — легкой, какъ «марабу». По этому-то всякое дуновеніе обстоятельствъ, особенно дуновеніе чувствъ, страстей, дѣйствуетъ на нее сильно; потрясаетъ ее всю! Но за то и все возвышенное, все благородное, все доступное сердцу, — принимаетъ она свойствами своей *женственности* также быстро, также сильно, какъ сильно и быстро поддается она и страстямъ, ежели не оберегалъ ее другъ или спутникъ въ жизни!...

Женщина вполнѣ развитая умственно, нравственно, религіозно и физически и сохранившая въ себѣ до глубокой старости, до конца жизни, если можно, все что въ

ней являетъ *женственность*, т. е. *кротость, покорность, стыдливость, доброту* и *скромность*, какъ лучшіе дары, какъ прочныя украшенія и богатства ея *сердца*, представляется мнѣ созданіемъ въ высшей степени изящнымъ и внушающимъ чистую любовь и самое отрадное чувство благоговѣнія! Да я увѣренъ—и всѣмъ, кто только захочетъ смотрѣть на нее не съ матерьяльной точки зрѣнія!

Я знаю: такихъ женщинъ, современное наше общество, т. е. *свѣтское, модное*—не любитъ. Оно восхищается *бойкостію* скорѣе, нежели скромностію. Явись въ среду этого общества существо тихое, робкое, съ дѣтскою кротостію, съ дѣвическою стыдливостію, нрава скромнаго, любезности не бойкой,—ему не будетъ поклоненія! Оно пройдетъ незамѣтно въ этой общей картинѣ китайскихъ тѣней? Такой женщины общество и не оцѣнитъ, а ежели она еще при этомъ красавица — горе ей!... Свѣтъ ее заклюетъ, оклевещетъ и прославитъ—чуть-чудь не дурочкой!...

Я уже сказалъ вамъ въ началѣ этого письма, что въ наше время, значеніе женщины опредѣлено! Не тѣ уже теперь о ней понятія, какія господствовали во времена мрака и непросвѣщенія! Только развѣ еще между дикими, женщина стоитъ немного выше неразумной твари! Въ христіанскомъ же мірѣ напротивъ: по мѣрѣ распространявшагося образованія между людьми, выяснялось все болѣе и болѣе то мѣсто, которое по справедливости она должна занимать, какъ представляющая собою вѣнецъ Божьяго творенія! Она перестала играть роль рабыни. Она сдѣлалась властелинщею. И эта послѣдняя роль принадлежитъ ей конечно по праву. Но право это только до тѣхъ поръ можетъ и должно быть терпимо человѣкомъ, уступившимъ ей первое мѣсто изъ благоговѣнія къ ея прекрасной, возвышенной, нѣжной, чистой природѣ, пока эта природа со-

храняетъ свою чистоту, свою возвышенность, свою нѣжность,—словомъ, свою *женственность*! О! сколько отрады быть рабомъ такого существа!

Но къ-несчастью таже образованность, которая опредѣлила и выяснила значеніе женщины на землѣ, — та-же образованность, говорю, въ общественномъ быту направила ее теперь по ложному пути и привела ее къ ложному взгляду на назначеніе свое!

Вотъ почему въ *блестящемъ кругѣ сближенія людей*, въ большомъ свѣтѣ, «dans le grand monde» не ищите моихъ *идеальныхъ женщинъ*. Ихъ тамъ нѣтъ; ихъ тамъ и быть не можетъ!.. Тамъ идеальность понимается иначе; тамъ и не то назначеніе для владычицъ *моднаго* міра! По *свѣтскимъ*, *моднымъ* понятіямъ женщина должна властвовать, но на основаніи совершенно иныхъ правъ!

Тамъ ищутъ не женскаго существа, не того чуднаго созданія, приближеніе къ которому уже должно вселять благоговѣйное чувство,—нѣтъ, тамъ ищутъ женщины,—дама, или дѣвица она, все равно,—съ которою бы можно было сблизиться фамильярно, и поболтать свободно о всякомъ вздорѣ, не щадя ни стыдливости, ни скромности права, не боясь даже убить иногда и чистоту юнаго сердца!

Будьте вы только бойки, будьте вы не скромны, будьте вы смѣлы — и толпа любезниковъ и поклонниковъ окружитъ васъ! Вамъ вознесутся похвалы; вамъ поднесутъ жезлъ и корону — вотъ вы владычица залъ, вы царица гостиныхъ! Но не увлекайтесь, ради Бога, этимъ пагубнымъ торжествомъ! Оно не прочно, оно часто и непродолжительно! Только до появленія новой, болѣе васъ смѣлой, соперницы! Вы отдадите лучшіе дары, лучшія украшенія вашей природы, вы принесете

обществу въ жертву—не цѣнимую только имъ *женственность*,—а оно не заплатитъ вамъ даже благодарностію воспоминанія объ васъ.

Погубивъ въ васъ лучшее, оно и не оцѣнитъ вашей жертвы!... Ему нужна была ваша любезность; ему легче было переносить бремя своей порчи, видя, что и вы утратили для него все прекрасное, все возвышенное, все нестерпимое только для вѣтреннаго свѣта,—словомъ, все *женственное*,—общество и не будетъ считать себя предъ вами въ долгу; оно доставило вамъ всѣ заманчивыя наслажденія; оно само временно было у вашихъ ногъ,—не ждите ужь отъ него никакой болѣе награды! Ваша исторія кончилась; начнется исторія другой,—потомъ третьей, десятой, сотой, тысячной и т. д. И этихъ жертвъ лѣтопись общества даже и не вноситъ въ свои листки!

Бѣдныя жертвы! Однако не правда-ли — жестокъ же и свѣтъ!!!

Но, кажется довольно объ этомъ! Теперь вы знаете, какъ понимаю я *женственность* и какое высокое понятіе я имѣю о значеніи и назначеніи женщины вообще.

Долженъ ли я вамъ говорить о *старости* такой женщины, которая „женственно“ прошла свой вѣкъ! Въ ней конечно все наружное поблекнетъ, измѣнится, но не измѣнится существенное, то, что составляло богатство ея *сердца*, украшеніе ея *души!* Всѣ прежнія разнообразныя, плѣнительныя ея качества, сольются въ одно, чтобы представить изъ этого, нѣкогда милаго, чуднаго, кроткаго, существа, добродѣтельную и назидательную старушку, какъ символъ послѣдняго звена той цѣпи, которая соединяетъ Творца съ Его прелестнѣйшимъ твореньемъ!

Я кончаю, не потому, чтобы сказалъ уже все, что можно объ избранномъ мною предметѣ; о! напротивъ, какъ

много еще остается сказать о немъ! Но я кончаю потому, что усталъ и воображаю, какъ утомилось ваше, драгоцѣнное для меня, вниманіе.

По-крайней-мѣрѣ, скажите мнѣ откровенно: удовлетворено ли ваше любопытство? Поняли ли вы меня?

А. К.

Письмо XI.

[ОТЪ НЕЯ КО МНѢ.]

С.-П.-бургъ, 20 Декабря 184.. г.

Прочитала, прочитала я ваше письмо о «Weiblichkeit.» Любопытство мое совершенно удовлетворено и ужъ конечно я васъ и поняла! Да отчего жъ бы мнѣ и не понять?... Но вы угадали: читая ваши разсужденія, я дѣйствительно подумала, что вы немножко мечтатель! Да, да — и не спорьте со мною пожалуйста! И у васъ воображеніе не совсѣмъ еще затихло! И вы уноситесь, Богъ знаетъ, въ какой міръ, гдѣ конечно должно быть очень весело, очень отрадно, — особливо если тамъ живутъ, такія милыя, такія чудныя, но здѣсь, едва ли сбыточныя, существа!

Письмо ваше мнѣ очень, очень понравилось; но правду вамъ сказать, — оно же меня и испугало!

— „Понравиться и испугать“ — какъ это можно?—скàжете вы. Вотъ два слова, которыя не идутъ вмѣстѣ! Не правда ли? А я постараюсь ихъ соединить — и вотъ какимъ образомъ.

Я готова благодарить васъ отъ имени всего, какъ говорятъ обыкновенно „прекраснаго“ пола на земномъ шарѣ, за то высокое, за то благородное, за то отрадное и для насъ, понятіе, какое вы имѣете о женщинѣ вообще!... Мнѣ самой всегда казалось, что кто не уважаетъ въ женщинѣ именно женщину —это слабое созданіе, это безсильное существо въ мірѣ, — тотъ, право, не можетъ быть добрымъ человѣкомъ! Въ томъ непремѣнно есть что нибудь дурное! Но, поблагодаривъ васъ, я въ тоже время со всѣмъ же женскимъ рòдомъ на землѣ, готова

сознаться, что никто изъ насъ не въ состояніи подойти близко къ тому изображенію, которое вы такъ восторженно описываете. Можетъ быть еще какъ дѣти — мы похожи на вашу милую крошку-дѣвочку. Но потомъ далѣе, гдѣ вы говорите: какъ должна и можетъ быть дѣвушка, — меня страхъ взялъ! Я боялась взглянуть на себя; не смѣла взглянуть и на подругъ моихъ! И какое жъ право я имѣю разбирать ихъ болѣе и прежде, чѣмъ самою себя? Нѣтъ! Я только подумала.... подумала о многомъ, можетъ быть и о многихъ.... и мнѣ грустно да и страшно стало!

Теперь вы видите, что понравиться и испугать въ одно и то же время—можно. И вотъ эти-то два ощущенія я и встрѣтила въ себѣ, когда читала ваше послѣднее письмо!

Но какіе вы странные? Отчего же вы пишете, что *идеальнаго мужчины* нѣтъ и не можетъ быть между вами? — Я готова заступиться и поспорить съ вами. Разумѣется *идеальность мужчины* не можетъ отвѣчать тѣмъ требованіямъ, какія вы относите къ намъ. Да и смѣшно было бы равнять насъ съ вами, и особенно въ этомъ! А возьмите напримѣръ мужчину, который былъ бы, во-первыхъ, хорошъ собою, да нѣтъ, даже этого и не нужно; возьмите напримѣръ человѣка съ характеромъ сильнымъ, твердымъ, съ душою возвышенною, съ умомъ плѣнительнымъ хоть и строгимъ, съ сердцемъ добрымъ, рыцарски готовымъ на всякія жертвы, — нѣтъ, не нужно и этого; жертвы эти были бы въ немъ можетъ быть только — доказательства слабости; нѣтъ, а вообразите его съ сердцемъ, готовымъ, безъ излишней чувствительности, отвѣчать сильно, пламенно и искренно на біеніе другого, ему преданнаго сердца! Пусть еще при всемъ этомъ, такихъ достоинствъ мужчина будетъ ловокъ безъ фатства, образованъ безъ педантства, учтивъ, привѣтливъ, снисходителенъ, любезенъ непринужденно — да я васъ спрашиваю: развѣ онъ не *идеальный*? Развѣ можно не желать и не стараться нравиться ему? Развѣ такой мужчина не можетъ и насъ сдѣлать лучше, нежели какъ мы въ самомъ дѣлѣ, судя по вашимъ портретамъ съ современныхъ, модныхъ героинь! Повѣрьте — какъ женщины ни виноваты, но не правы и мужчины! Будь они лучше; смотри они на женщинъ иначе въ обществѣ, наши свѣтскія дамы не дали бы вамъ случая такъ безпощадно, хоть и справедливо, судить ихъ!

Я не знаю, какъ бы я должна была всѣ эти идеальныя свойства мужчины раздѣлить по возрастамъ вашей жизни? Предлагаю вамъ — сдѣлайте это сами! Но мнѣ право кажется, что въ мірѣ подобныя достоинства соединимы и вѣрно существуютъ! Я даже увѣрена, что идеальныхъ мужчинъ на свѣтѣ болѣе; т. е. такихъ, какъ я вамъ описываю, гораздо болѣе, нежели идеальныхъ женщинъ, по вашему образцу. Вы конечно не согласитесь со мною! Вы будете доказывать свое! Ну, Богъ съ вами! Радуюсь за васъ; пусть только для васъ и существуютъ идеалы!

Вы спрашиваете меня: мечтала ли я когда нибудь объ идеалахъ? Вы увѣрены, что *да*. Говорю вамъ откровенно — право нѣтъ! Къ-чему? За другихъ — не отвѣчаю; а сама, повѣрьте мнѣ, никогда, никогда!

Напротивъ, мнѣ грустно сознаться передъ собою, а еще грустнѣе передъ вами, что мечты мои, ежели когда нибудь уносили или уносятъ меня изъ этого дѣйствительнаго міра, — то всегда въ какой-то міръ мрака, въ міръ безнадежности, — я бы сказала даже: въ міръ отчаянія, если бы не вѣрила, что отчаяніе—грѣшно! Я страдала нѣкоторое время безсонницею. Ужасное состояніе! Оно усиливало еще болѣе дѣятельность моего воображенія! А мое воображеніе, самое несчастное, самое несносное! Никогда не умѣетъ оно утѣшить, поласкать, побаловать меня! Богъ знаетъ — гдѣ я только съ нимъ ни летаю, а ни гдѣ не встрѣчу, — не говорю уже — идеаловъ, но даже ничего отраднаго для меня, ничего отдохновительнаго для души! Я не хочу оправдывать этого расположенія моего ко всему мрачному. Знаю, что это дурно, непростительно! Хотѣла бы избавиться, хотѣла бы вылечиться отъ этого! Но какъ? — Надо довѣриться людямъ! Искать, просить ихъ совѣта, ихъ дружескихъ наставленій! Стараться пробудить въ нихъ участіе, повѣрить имъ свое горе; свое завѣтное на душѣ; отдать на ихъ судъ, на ихъ сужденіе, а можетъ быть и осужденіе свою мечту, плоды болѣзненныхъ своихъ фантазій! О! какъ трудно, мнѣ кажется, рѣшиться на это! Я по-крайней-мѣрѣ думаю, что я ни за что бы этого не сдѣлала! Не знаю право: даже ваша откровенность со мною вызоветъ ли меня на исповѣдь предъ вами всѣхъ моихъ мечтаній? Мы болтливы; конечно изъ насъ легко вывѣдать тайны нашего сердца;

но тайны нашихъ мечтаній! — едва ли?... О нѣтъ! Это не такъ легко!! Еще если бы мы встрѣчали здѣсь искренность *дружбы*, а то мнѣ кажется, и дружбы-то настоящей въ свѣтѣ нѣтъ! Вотъ почему, недовѣряя другимъ, — недовѣряешь иногда и себѣ и поневолѣ повѣряешь все бумагѣ. Вотъ какъ и составляются тѣ записки, за которыя вы меня довольно ужъ пожурили.

Скажите мнѣ: неужели правда, что истинной дружбы нѣтъ на свѣтѣ? Какъ это горько! Какъ это безотрадно! Не хочется вѣрить! Неужели всѣ лучшія чувства исчезли между людьми? Я всегда слышала, что между женщинами дружбы еще менѣе, нежели между вами! Счастливые! Какъ не позавидовать вамъ! Вотъ вамъ и мы, которыхъ вы такъ возвышаете, которыхъ вы представляете себѣ съ такими прекрасными качествами, съ такою возвышенною природою! Вотъ вамъ ваши *идеальныя* существа! Хороши! Нечего сказать? даже и дружбы не знаютъ! Да это вздоръ; я не вѣрю! Если дружбы нѣтъ между нами — это еще не значитъ, что ея не можетъ и быть! Ужели въ самомъ дѣлѣ мы неспособны быть другомъ? По-крайней-мѣрѣ я думаю, что если бы *я*,... если бы *мнѣ* пришлось встрѣтить привязанность... если бы... но я боюсь, что вы скажете, что я замечталась, что я снова подъ вліяніемъ пылкаго воображенія!... Вы, право, такой строгій человѣкъ! Такъ прощайте-же!... Нѣтъ, да каково̀? сколько страницъ исписала! Похвалите хоть за это! А ужъ ошибокъ-то, ошибокъ сколько, — воображаю!...

NN.

Письмо XII.

[ОТЪ МЕНЯ КЪ НЕЙ.]

С.-П.-бургъ, 20 Января 184.. г.

Вотъ и цѣлый мѣсяцъ прошелъ, что вы были безъ писемъ отъ меня! Въ это время вы сдѣлались какъ будто терпѣливѣе прежняго; вы и не подумали, какъ бывало, понудить меня отозваться на ваши строки. Знаете-ли почему? Сказать вамъ *правду?* Потому что сами вы, въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, были не вполнѣ откровенны. У васъ есть тамъ много не досказаннаго!

Говоря объ участіи, о дружбѣ, о горѣ, о завѣтномъ на душѣ и видимо что-то скрывая отъ меня, вы только какъ будто невольно проговорились о *страхѣ* отдать людямъ на судъ, а можетъ быть и на осужденіе — свою мечту, плоды своихъ болѣзненныхъ фантазій! Вы письмо ваше заключаете не желаніемъ выслушать отъ меня разъясненія на ваши строки, а замѣчаніемъ, что *я такой строгій человѣкъ!*... Все это обнаруживаетъ мнѣ страданія вашего ума и вашего сердца! А вы помните конечно, что я писалъ къ вамъ объ этихъ страданіяхъ? Помните: къ какой эпохѣ жизни я отношу ихъ и опасны и излечимы ли они?

Съ цѣлію всегда и во всемъ быть вамъ полезнымъ, я уже готовилъ разсужденія *о благочестіи въ женщинѣ, о молитвѣ;* хотѣлъ написать вамъ взглядъ мой на *выборъ книгъ для чтенія*, чтобы чтеніе было не вредно; думалъ поговорить съ вами *о дружбѣ*, которая, какъ вамъ кажется, не существуетъ между людьми вообще, а между женщинами еще менѣе.... все это у меня уже готовилось, но я пріостановился! Мнѣ нужно было видѣть васъ, чтобы лично удостовѣриться: въ какомъ состояніи духа, въ какомъ расположеніи ума и сердца вы дѣйствительно находитесь?

Буду-ли говорить вамъ о нашемъ свиданіи? Вы конечно помните нашъ разговоръ. Можетъ статься—я былъ слишкомъ строгъ; но вы? были-ли вы вполнѣ откровенны?... Вы говорили мнѣ о *душевныхъ страданіяхъ* вашихъ, вы силились увѣрить меня и доказать мнѣ, что страдаете истинно а я—грѣшный человѣкъ—я видѣлъ въ васъ только „плоды болѣзненныхъ фантазій вашихъ", которыми добровольно вы убаюкиваете вашъ *умъ* и ваше *сердце*. Вотъ въ чемъ и гдѣ ваши недуги! Вы требовали отъ меня сказать вамъ *правду* и между тѣмъ сами боялись выслушать ее.

По изученію исторіи, по наблюдательности и опытности моей, я удостовѣрился, что:

„*Знать истину*, *знать правду*—есть желаніе *общее* всему человѣчеству!

Искать истину, *искать и находить* по-всюду *правду* — стремленіе не всѣхъ; достояніе только избранныхъ!

А *требовать истины* и *правды* отъ людей, а *выслушивать ихъ* всегда *безъ боязни* и *огорченія* — рѣшаются очень, очень не многіе!...

Блаженъ, кто совмѣщаетъ въ себѣ всѣ эти *три* условія, столь плодотворныя для жизни человѣка! Вамъ Богъ далъ наклонность къ тому, другому и третьему. Вы это мнѣ до-

казали, но многое еще въ васъ борется съ развитіемъ наклонности къ послѣднему т. е. требовать и выслушивать *правду* безъ боязни и огорченія! Въ томъ болѣзненномъ состояніи, въ какомъ вы теперь находитесь, я и не потревожу васъ, до времени, моею *правдою*, а вотъ вамъ пока „голосъ дружбы въ утѣшеніе страждущей!“ Пусть мои посильные, стариковскіе вирши вамъ покажутъ: понялъ ли я ваше состояніе? Счастливъ я и утѣшенъ буду, ежели окажется цѣлебнымъ словечко старика. Послушайте жъ меня:

Вашъ недугъ — онъ испытанье
Богомъ посланное вамъ:
Твердо-ль ваше упованье?
Чистъ-ли сердца ѳиміамъ?
Есть-ли искренность въ молитвѣ?
Свято-ль знаменье креста?
И въ житейской вашей битвѣ
Вспоминаете-ль Христа?
Не забыли-ль, что мученья
Претерпѣвый до конца,
Онъ для нашего спасенья—
Несъ до часа воскресенья
Иго тяжкаго вѣнца!...
Но свершились испытанья.
Просіяла благодать!...
Такъ и вамъ, послѣ страданья
Можетъ счастье просіять!
Не ропщите, покоряйтесь;
Вѣрьте въ Промыселъ Святой;
Духомъ кротости смиряйтесь,
Сердцемъ чистымъ обновляйтесь,
И любите жребій свой!
Вы воскреснете душой!...
Вамъ мольба друзей поможетъ;
Но молитеся и вы,

Чтобъ прошло, что васъ тревожитъ;
Чтобъ и не было молвы!...
А прошедшему улыбку
Подарите въ добрый часъ....
И молитесь, что-бъ въ ошибку
Не вводило сердце васъ;
Чтобъ грядущаго зарница
Свѣтомъ радостей была
И чтобъ Божія десница
Васъ къ спасенію вела!...

А. К.

МОИ

МЕДОВЫЕ ДОСУГИ.

(ПОСВЯЩАЮТСЯ ЖЕНѢ МОЕЙ.)

(Изъ записокъ А. К.....го.)

Моей невѣстѣ.

(АКРОСТИХЪ-ЭКСПРОМТЪ.)

На жизнь мою звѣзда блеснула...
И съ нею радость, благодать!...
Надеждой въ сердце заглянула!...
А какъ мнѣ звѣздочку назвать?...

Флоренція,
20 Января 1857.

Женѣ моей Нинѣ.

(на 4-й день нашего брачнаго союза.)

Мы въ Пизанскую долину
  Поспѣшили другъ съ тобой,
Чтобъ семейную картину
  Здѣсь начать какъ долгъ святой!...
Тихо, скромно насъ вѣнчали!
  Тихо, скромно будемъ жить!...
Жизнь — какъ Божій даръ любить
  И всѣ радости, печали
Сердцемъ и душой дѣлить!...
  Тогда будетъ святъ и проченъ
Нашъ союзъ любви съ тобой!
  Будетъ онъ и непороченъ
Словомъ, дѣломъ и *мечтой!*

Пиза,
18 Февраля [2 Марта] 1857.

Женѣ моей Нинѣ.

(по прошествіи мѣсяца отъ нашей свадьбы.)

„Ничто не ново подъ луною!“
  Твердитъ давно намъ старина.
Вотъ и для насъ, мой другъ, съ тобою
  Прошла медовая луна!
Прошла!... ужель и счастье съ нею?...
  Ужель любви насталъ конецъ?...
Нѣтъ!... будемъ вѣрить, что Творецъ
  Продлитъ ихъ благостью Своею!...
Ему покорствуя душой
  И сердце кротостью смиряя,
Мы — жизнь любовью украшая,
  Вѣкъ будемъ съ радостной луной!...
Пусть многое подъ ней не ново!
  Пусть многое проходитъ съ ней!
Лишь бы для насъ святое слово:
  „Люблю“ — всегда было готово
Быть словомъ *правды* жизни всей!
  Глаголомъ *счастья* долгихъ дней!...

Флоренція,
15 [27] Марта 1857.

Женѣ моей Нинѣ.

(въ день наступленія 4-го мѣсяца нашему союзу.)

—

Не длинна у насъ каюта;
  Тѣсенъ скромный нашъ пріютъ!*)
Но съ тобой, мой другъ Анюта,
  Счастье всюду — тутъ-какъ-тутъ!...
Много-ль нужно, чтобъ судьбою
  Былъ доволенъ человѣкъ?...
Много-ль нужно намъ съ тобою,
  Чтобы счастливъ былъ нашъ вѣкъ?...
Мы вдвоемъ... у насъ Машурка**):
  Съ нами дружба и любовь!...
Съ этимъ — вѣрь мнѣ — и канурка
  Шире, краше всѣхъ дворцовъ!...
Пусть инымъ нужны палаты,
  Злато, роскошь, ѳиміамъ!...
Солнце шлетъ свой лучъ и въ хаты!
  Грѣетъ ровно тутъ и тамъ!...
Но счастливы, но привольны
  Только тѣ, съ кѣмъ Богъ живетъ!...
Будемъ же мой другъ довольны
  Всѣмъ, что Онъ намъ ниспошлетъ!
Если радости — смиримся!
  Если горе — въ вѣрѣ щитъ!...

---

*) Жена посѣтовала на тѣсноту нашего помѣщенія въ Парижѣ.

**) Сестра моей жены.

И ни въ чемъ не возгордимся —
  Горделивыхъ Богъ смиритъ!...
А что тѣсно — тѣмъ дружнѣе
  Можно жить да поживать!...
Лишь бы въ нашемъ гименеѣ
  Была Божья благодать!
Съ ней вездѣ легко дышать!...

Парижъ,
15 (27) Мая 1857.

Женѣ моей Нинѣ.

(въ день наступленія 5-го мѣсяца.)

Міръ восторговъ! міръ мечтаній!
Міръ отрады!... ты пришелъ!
И съ тобой — конецъ желаній!
Сердцу пристань я нашелъ!
Много думъ игривыхъ, дѣтскихъ
Пронеслось въ душѣ моей,
Много думъ, желаній свѣтскихъ
Убаюкивалось въ ней!...
Все казалось мнѣ возможнымъ!
Жизнь ясна и хороша!...
Но въ ея стремленьи сложномъ
Только мучилась душа!...
Разгарались въ сердцѣ чувства!...
Но мятеженъ былъ покой!
Сердце билось безъ искусства,
Но тревоженъ былъ въ немъ бой!...
Все чего-то было мало
Упованіямъ его...
Оно жило... но страдало;
Оно билось... но не знало:
Какъ?... на долго-ль?... для чего?...
А теперь?... нѣтъ, нѣтъ страданій!
Міръ отрады — ты пришелъ!
Оживился міръ мечтаній!
Берегъ! берегъ я нашелъ!...
Прочь тревоги!... прочь волненье!

Дружба, вѣра и любовь,
И надеждъ благословенье,
И душѣ отдохновенье,
И къ высокому стремленье,
Внесены ко мнѣ подъ кровъ!
Все съ тобою, ангелъ милый,
Буду сердцемъ я дѣлить!
И отнынѣ до могилы,
Съ вѣрой въ благость Божьей силы
Жить, *молиться* и *любить!*...

Кишиневъ,
15 [27] Іюня 1857.

Ей же.

(на 6-й мѣсяцъ.)

—

Твою судьбу съ моей судьбою
Господь на вѣкъ соединилъ!...
Скажу-ль тебѣ — какой мольбою,
Какого блага я просилъ?
О! я молилъ Его о счастьи,—
Не той житейской суеты,
Гдѣ нѣтъ небеснаго участья,
Гдѣ все-лишь прахъ!... однѣ мечты!...
Гдѣ люди — бренностью богаты,
А духомъ нищіе — хотятъ,
Чтобы блестѣли ихъ палаты;
Чтобъ былъ роскошенъ ихъ нарядъ!...
Чтобъ слава, честь и поклоненья
Имъ воздавались ото всѣхъ;
И чтобъ безъ горя и терпѣнья
Удѣломъ ихъ — былъ міръ утѣхъ!...
Чтобъ все ихъ жизни улыбалось;
Служило-бъ все — для ихъ сердецъ....
И мыслямъ ихъ не представлялось,
Что есть — и тернія вѣнецъ!...
Что сàмой жизни — есть конецъ!...
О нѣтъ!... была не эта доля
Въ моихъ молитвенныхъ словахъ!
Я говорилъ:
„Да будетъ воля
„Твоя — во всѣхъ моихъ дѣлахъ!...
„Ты Боже Праведный!... смиряюсь —
„И жду велѣнья Твоего. ...

„Ты Всемогущъ! — я покоряюсь,
„Не зная жребья своего.
„Велишь.... я буду семьяниномъ!...
„Но дай избрàнную Тобой,
„Да вкупе съ нею — христьаниномъ
„Исполню долгъ любви святой!...
„Пусть блага явятся, отбудутъ, —
„Все по глаголу Твоему! —
„Пусть тяжкія минуты будутъ
„Душѣ и сердцу и уму....
„Пошли подругу мнѣ такую,
„Чтобъ съ ней на врѐменномъ пути,
„Я помнилъ жизнь и не земную;
„И съ вѣрой, твердо могъ итти!...
„Чтобъ укрѣплялись мы въ страданьяхъ!
„Чтобъ были чужды суеты!
„Не забывали-бъ въ испытаньяхъ,
„Что крестъ мученій несъ и Ты!...
„Что этотъ крестъ спасъ міръ и грѣшныхъ
„Спасай и насъ имъ до конца!
„Да видятъ въ горѣ насъ — утѣшныхъ
„Надеждой свѣтлаго вѣнца!...
„Да будемъ мы — благословеній
„Всегда достойные душой,
„И въ чадахъ — нашемъ возрожденьи —
„Блягословляемы Тобой!...“

. . . . . .

Господь услышалъ!... насъ съ тобою
Союзомъ брачнымъ съединилъ!...
И вотъ мой другъ, — какой мольбою,
Какого счастья я просилъ!...

Франкфуртъ-на-Майнѣ,
18 [30] Іюля 1857.

Моей имянинницѣ.

Ты имянинница сегодня!... поздравляю
  Тебя всѣмъ сердцемъ, всѣмъ душой!...
Какихъ же въ жизни благъ тебѣ я пожелаю
  Какъ *другъ*, какъ *мужъ*, какъ *спутникъ* твой?...
Богатства?... почестей?... безпечность?... наслажденья?...
  Не ими явенъ Божій даръ!
Они не прочны здѣсь!... въ нихъ нѣтъ для насъ спасенья!...
  Въ нихъ близокъ и судьбы ударъ!
Они не принесутъ душѣ того покоя,
  И сердцу счастья не дадутъ,
Какихъ мы подъ вѣнцомъ, у Божьяго налоя,
  Просили на семейный трудъ!...
Нѣтъ другъ мой!... и не жди подобныхъ пожеланій!...
  Пусть будетъ жизнь твоя полна̀:
Духовныхъ — радостей!... житейскихъ — испытаній;
  Но вѣрой — Богу предана̀....
Да видишь ты во всемъ Его благословенье!
  Во всемъ — Его лишь благодать!...
Да свято выполнишь свое предназначенье —
  Какъ *другъ*, какъ *спутница*, какъ *мать*!...

Вилдбадъ,
25 Іюля [6 Августа] 1857.

Полугодье миновало!

—

Жизнь безъ горя, безъ страданій
Не возможна,... не полнà;...
Какъ не можетъ безъ желаній,
Безъ отрады быть она!...
Мы — пловцы въ житейскомъ морѣ....
По раздолью свѣтлыхъ волнъ,
Разгулявшись на просторѣ
Быстро мчится утлый челнъ!
То встрѣчаетъ непогоду!
То — попутье, тишину!...
Но все въ даль!... все больше ходу;
Все — въ ту скрытую страну,
Гдѣ желанная обитель;
Гдѣ пріютъ для всѣхъ пловцовъ;
Гдѣ спокоенъ каждый житель;
Гдѣ противныхъ нѣтъ вѣтровъ!
Гдѣ незнаютъ ужъ ненастья!
Гдѣ всѣмъ — радость, тишина!...
Вотъ куда плывутъ — для счастья!
Вотъ куда несетъ волна!...
Быстро, быстро всѣ несутся, —
Не замѣтенъ жизни путь!
Пронесутся — и! — проснутся
Тамъ, гдѣ должно отдохнуть
Отъ болѣзней, отъ печали
И отъ радостей земныхъ!...
Такъ и мы съ тобой помчали
Въ то же море, вслѣдъ другихъ!...

Полугодье миновало!...
Мы не знали бурь, ни волнъ!
Гладь роскошная ласкала
Счастьемъ убранный нашъ челнъ!...
Воздадимъ хваленье Богу!
И въ смиреніи сердецъ,
Потихоньку, понемногу,
Продолжимъ свою дорогу,
Не заботясь — гдѣ конецъ!...
Но сознавъ, что безъ страданій
Жизнь земная не полна;
Какъ не можетъ безъ желаній,
Безъ отрады быть она!...

Вильдбадъ,
15 [27] Августа 1857.

Дмитрію Петровичу Сѣверину.

(при посылкѣ къ нему, по его желанію, нѣкоторыхъ изъ моихъ досуговъ.)

—

Блаженъ, кто сохранить умѣлъ
Любовь къ восторгамъ пѣснопѣній!
Кто не изсякъ, не очерствѣлъ
Среди житейскихъ упоеній,
Трудовъ, соблазновъ, треволненій!...
Кому недремлющее время,
Чело украсивъ сѣдиной,
Не отягчало жизни бремя
Въ борьбѣ съ людскою суетой!
Кто жилъ надеждой и мечтой!...

Блаженъ, чей вдохновенный умъ,
Мірскихъ чуждаясь обаяній,
Не помрачалъ высокихъ думъ
Позоромъ раболѣпной дани—
Изъ страха горькихъ испытаній!...
Кто добродѣтелью богатый,
Судьбѣ покорствуя душой,
Ввелъ въ скромныя свои палаты
Съ любовью—вѣру въ жребій свой!
И поэтическій покой!...

Блаженъ, кто ближнему былъ другъ!
Кто понималъ его страданья!
Не продавалъ своихъ услугъ!
Платилъ добромъ за поруганья
Людямъ безъ чувства, упованья!...
Кто долгъ святой Христіанина,

Исполнивъ честно,--могъ сказать:
„И съ семьяниномъ — гражданина
„Во мнѣ не будутъ раздѣлять!
„Не дрогнетъ умъ отчетъ отдать!“

Блаженъ, блаженъ, кто до сѣдинъ
Доживъ, — еще былъ въ мірѣ этомъ,
Какъ вы,—почтенный Сѣверинъ
И дипломатомъ и поэтомъ,
Предъ совѣстью съ честнымъ отвѣтомъ!...
Кто благородныхъ цѣлей воинъ,
Царямъ и музамъ вѣкъ служилъ!
Кто ихъ любови былъ достоинъ!
И Аполлонъ кого любилъ,—
Какъ васъ—парнасскій старожилъ!...

Вильдбадъ,
10 [22] Августа 1857.

Женѣ моей Нинѣ.

(въ день наступленія 8-го мѣсяца нашему браку.)

Единымъ глаголомъ: „да будетъ“ изрекъ
Господь-Саваофъ бытіе для вселенной!
И съ нею изъ праха—возникъ человѣкъ,
Какъ духъ—къ жизни вѣчной, какъ плоть—къ жизни тлѣнной!...
И стройно и мощно подвиглись они
Законъ исполнять—въ прославеніе Бога!
Но ей и ему—обусловлены дни,
Назначенъ предѣлъ; даны цѣль и дорога!...
Не зная превратностей, время свой ходъ
Свершаетъ для міра—спокойно и мѣрно!
А смертный—увы!—... все быстрѣе впередъ
Стремится... спѣшитъ къ грани скрытой, но вѣрной!...
И счастливъ не тотъ, кто, какъ время, свой путь
Проходитъ, не зная житейскихъ волненій!...
Нѣтъ!... долу—здѣсь нужно: порою вздохнуть,
Порой улыбнуться—и!... ждать измѣненій!...
Къ отрадѣ, иль къ горю—они не придутъ
Безъ воли Того, Кто судьбы созидаетъ!...
Но *вѣра, надежда, любовь* намъ даютъ
Что сердце и душу крѣпитъ, услаждаетъ!...
Жить ими—былъ нашъ передъ Богомъ обѣтъ....
И видишь—какъ радостно, сладко начало!...
Продлимъ ихъ союзъ до конца нашихъ лѣтъ,
Чтобъ *тихое* счастье—всегда насъ ласкало
И Божью десницу во всемъ проявляло!...

Гейдельбергъ,
15 [27] Сентября 1857.

Былое и надежды.

(въ день наступленія 9-го мѣсяца нашему браку.)

На чужбину — въ край далекій
  Унестись — мнѣ рокъ судилъ,
Чтобъ я бытъ свой одинокій
  Тамъ семейнымъ замѣнилъ!...
Въ тѣ-же страны, чуднымъ рокомъ
  Былъ направленъ путь и твой
И мы, встрѣтясь ненарокомъ
  Слились сердцемъ и душой!...
Какъ не видѣть Божьей воли
  Въ сочетаньи насъ вѣнцомъ?
Какъ за счастье нашей доли
  Намъ не пасть передъ Творцомъ,
И молитвою смиренья,
  Полной чувствъ благодаренья
Не воздать хвалы святой?...
  Безъ небесъ благословенья
Былъ бы жребій нашъ иной:
  Мы-бъ не встрѣтились съ тобой!...

. . . . . .

Восемь мѣсяцовъ медовыхъ
  Пронеслись въ краяхъ чужихъ
И счастливыхъ и здоровыхъ,
  Но заботно-кочевыхъ:
Мы осѣдлости не знали;
  Днямъ и счета не вели;
И какъ птички — все порхали,
  Пока гнѣздышко нашли!

Не родное — нѣтъ!... въ Парижѣ,
  Гдѣ *девятый* началъ ходъ....
А *родимый*-то.... все ближе!
  Скоро вотъ и *онъ* придетъ!...
Да поможетъ Мать Святая!
  И надеждой ободритъ,
Что младенца посылая,—
  — Какъ звено земнаго рая, —
Имъ союзъ нашъ укрѣпитъ,
  А птенца благословитъ!...

Парижъ,
15 [27] Октября 1857.

Увы!

(въ день 10-го мѣсяца.)

Не сбылися ожиданья!
Не пришелъ родимый къ намъ!
Тѣ-жъ надежды, тѣ-жъ страданья,
Съ тѣмъ-же страхомъ пополамъ!...
Не горюй мой ангелъ милый!
Все свершится; все придетъ!
Укрѣпляй свой духъ и силы;
Не тревожься напередъ!
Всемогущій въ нашемъ бытѣ
Испытаньемъ все связалъ!...
Но „терпѣніемъ стяжите
„Ваши души“ — Онъ сказалъ!
Какъ-же намъ не покориться?
Какъ не ждать? — не уповать?
Будемъ съ радостью молиться,
Вѣдь въ птенцѣ—и благодать:
Первый звукъ.... и ты ужъ мать!

Парижъ,
15 [27] Ноября 1857.

Привѣтъ Нинѣ.

(по случаю рожденія дочери.)

Святая Мать благословила —
И ты ужъ мать.... вотъ нашъ птенецъ.
Съ нимъ новая для счастья сила!
Союзу новый въ немъ вѣнецъ!..
Какое милое созданье!
Не только дочь, — въ немъ ангелъ твой!
Онъ прекратилъ твое страданье;
Онъ оживилъ всѣ ожиданья,
Принесъ и радость и покой,
И дышетъ самъ твоей душой!..

Парижъ,
4 [16] Декабря 1857.

Ей же.

(въ день наступленія 11-го мѣсяца нашему браку.)

Въ здѣшней жизни всё проходитъ;
  Есть начало, есть конецъ!
Такъ — устроивъ міръ, — Творецъ
  Все ко благу въ немъ приводитъ,
Какъ заботливый отецъ!..
  Какъ недавно мы съ тобою
Единицей въ жизни шли, ...
  Но изрекъ Онъ — и судьбою
Слившись — мы вдвоемъ пошли!..
  Прочь всѣ прежнія тревоги!
Новый міръ!.. и новый бытъ!
  Мы идемъ по той дорогѣ,
Гдѣ защитой — крестъ стоитъ!
  Крестъ — какъ знаменье спасенья!
Крестъ — символъ мірскихъ заботъ!
  Крестъ — небесъ благословенье!
Крестъ — надежда и оплòтъ!
  Съ нимъ досель — мы счастье знали;
Съ нимъ надежды ужъ сбылись;
  То прошло, чѣмъ мы страдали;
То пришло, о чемъ мечтали:
  Мы малюткой завелись!...
Дочь у насъ!... начало новыхъ
  Утѣшеній и тревогъ....
Да на всё найдетъ готовыхъ
  Насъ всемилующій Богъ!..
Вознесемъ къ нему молитвы,
  И крестомъ вооружась,

Не страшась житейской битвы,
  Въ долгъ родительскій — на насъ
Возложѐнный въ добрый часъ —
  Вступимъ съ вѣрой и покорно!
Вновь дадимъ святой обѣтъ:
  Чистымъ сердцемъ, не притворно
Помнить Божескій Завѣтъ!..
  Тогда бытъ нашъ благотворно
И семейно-плодотворно
  Процвѣтетъ на много лѣтъ!...
Жизнь-не́ жизнь, гдѣ дѣтокъ нѣтъ;
  Хоть за нихъ и строгъ отвѣтъ!

Парижъ,
15 [27] Декабря 1857.

Не довольно-ли?

(12-й мѣсяцъ).

—

Вотъ и годъ къ концу приходитъ,
  Какъ въ союзѣ мы съ тобой;
Ужъ стучась ко мнѣ клюкой,
  Муза пѣсеньку заводитъ,
Чтобъ въ обычное число *)
  И я вспомнилъ ремесло!...
Не довольно ли старушкѣ?
  Не пора ли кончить намъ?
Вѣдь она — давно хрипушка!
  Пѣть и мнѣ не по лѣтамъ!
У тебя-жъ, моей хозяйки,
  Птичка-чудо завелась!..
Что же въ струнахъ балалайки?..
  Голосъ лучше во-сто разъ!
Пойте-жъ вы теперь за насъ!
  Пойте обѣ всѣмъ на радость!
И счастливыя судьбой,
  Украшайте вашу младость
Сердцемъ, мыслью и душой!
  Пойте, пойте многи лѣта...
Буду слушать васъ и я!..
  Для меня же — не поэта
Сладко знать, что птичка эта
  Дочка, Олинька моя!
Съ вами пѣть ужь не посмѣю,

---

*) Всѣ пьесы писаны 15-го числа. (Примѣчаніе издателя.)

А низенько поклонюсь,
И съ старушкою своею
За васъ Богу помолюсь!..
Не взыщи-жъ, мой другъ, что вяло,
Я сегодня пѣсню спѣлъ;
Слишкомъ бойко пѣлъ сначала,
Такъ теперь и ослабѣлъ!..
Только чувство мое — тоже!
И надѣюсь — до конца
Сохранитъ въ насъ правый Боже
Вѣчно-юными сердца
Для любви и для Творца!..

Парижъ,
15 [27] Января 1851.

Женѣ моей Нинѣ.

(въ день первой годовщины.)

Не словами, не стихами
Воспоемъ протекшій годъ,
  А съ молитвой и слезами
Взглянемъ нашими сердцами
На *любовь,* на *жизнь* и *плодъ!*. . .

  Все благое Провидѣнье
  Ниспослало намъ съ тобой,
    Что бы нашихъ душъ стремленье,
  Какъ судьбы предназначенье,
  Привело къ любви святой!.

Съ той поры и жизнь свѣтлѣе!
Съ той поры и счастье намъ,
  Какъ въ союзѣ гименея,
Вѣрой къ Богу пламенѣя
Стали жить мы пополамъ!.

  Не замѣтно время мчалось!
  Насъ ласкала благодать!
    Все досель намъ улыбалось!..
  А чтобъ больше оживлялось —
  Вотъ ужъ мы — отецъ и мать!..

И свершилось это съ нами
Въ промелькнувшій быстро годъ! . . .
  Не словами-жъ, не стихами,
А восхвалимъ мы сердцами
Нашу *жизнь*, *любовь* и *плодъ!*..

Парижъ,
15 [27] Февраля 1858.

КОНЕЦЪ.

II 4

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 595 950 7

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 595 950 7